

Леонид ИВАНОВ

A red leather-bound book, likely a Soviet-era military or intelligence manual, is shown at an angle. It features a star emblem and the following text in Russian: НКО (Main Directorate of the NKVD), Главное управление (Main Directorate), контрразведки (Counterintelligence), and «СМЕРШ» (SMERSH).

НКО
главное управление
контрразведки
«СМЕРШ»

ПРАВДА О СМЕРШЕ

ВОЕННЫЙ КОНТРАЗВЕДЧИК
РАССКАЗЫВАЕТ

История без грифа «Секретно»

Леонид Иванов

**Правда о СМЕРШе. Военный
контрразведчик рассказывает**

«Яуза»

2021

УДК 93/94
ББК 63.3(2)622

Иванов Л. Г.

Правда о СМЕРШе. Военный контрразведчик рассказывает /
Л. Г. Иванов — «Яуза», 2021 — (История без грифа «Секретно»)

ISBN 978-5-00155-362-5

Откровенные воспоминания о боевой работе легендарного Главного управления контрразведки «Смерть шпионам!». Вся правда о борьбе с немецкой агентурой, разведчиками и диверсантами, о «проческах» территории в прифронтовой полосе и «зафронтовой работе» (внедрение в немецкие разведорганы и разведшколы), об охоте за разведгруппами противника и изолированных радиоиграх, силовых задержаниях и перестрелках... Судьба Леонида Георгиевича Иванова (1918-2015) уникальна. В 1939 г., закончив с отличием школу НКВД, он был направлен на Западную Украину, где лично участвовал в задержаниях и перестрелках с местными националистами-«оуновцами». Будучи кадровым военным контрразведчиком, прошел всю Великую Отечественную с первой и до последней минуты – первый бой принял на рассвете 22 июня 41-го на советско-румынской границе. Участвовал в обороне Одессы и знаменитом Керченско-Феодосийском десанте, чудом выжил в страшные дни Керченской катастрофы (и беспощадно-правдиво рассказал об этом в своих мемуарах). Прошел путь от оперуполномоченного стрелкового батальона до начальника отделения контрразведки СМЕРШ 5-й ударной армии. Сталинградская битва и Ясско-Кишиневская операция, Варшава и Берлин, две тяжелых контузии, 9 боевых орденов, более 30 разоблаченных агентов Абвера (десять силовых задержаний Иванов провел в одиночку). В победном мае 1945-го майор Иванов участвовал в обеспечении по линии СМЕРШа процедуры подписания Акта о безаговорочной капитуляции нацистской Германии... Обо всем этом Леонид Георгиевич подробно рассказал в своей книге. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 93/94

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-00155-362-5

© Иванов Л. Г., 2021

© Яуза, 2021

Содержание

Достойный пример служения Отечеству	7
Образование и задачи «Смерш»	13
Тамбовские корни	25
Годы учебы в Москве	29
На Западной Украине	33
Вставай, страна огромная	38
Оборона Одессы	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Леонид Иванов

Правда о СМЕРШе. Военный контрразведчик рассказывает

© Иванов Л.Г., 2021

© ООО «Яуза-каталог», 2021

* * *

*Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или
иметь бы другую историю, кроме истории наших предков, такой, какую
нам Бог ее дал.*

А.С. Пушкин

(Из письма к П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г.)

Достойный пример служения Отечеству

Никогда не изгладится из памяти народа священный подвиг советского солдата в годы Великой Отечественной войны. Тема эта бесконечна, неисчерпаема и сегодня еще близка каждому из нас лично. Ныне живущие и грядущие поколения людей должны знать и помнить, как это было, ощущать дух того времени, наполненный беспримерным героизмом бойцов Красной Армии, самопожертвованием людей в тылу. Со стороны нацистской Германии это была война на истребление населения нашей страны, так как советские люди рассматривались фашистами как «унтерменшен» (недочеловеки). Гитлер самонадеянно рассчитывал провести 7 ноября 1941 года парад в Москве. Вопреки этому в тот исторический день по Красной площади маршировали прибывшие с фронта красноармейцы и полки народного ополчения, а затем прогромыхали следовавшие на передовую советские танки. Через пять месяцев после начала войны Красная Армия развеяла миф о непобедимости вермахта.

Победа 1945 года была завоевана не только силой оружия, но и исключительной силой духа. «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!..» – призыв, прозвучавший в выступлении Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина на параде 1941 года, был обращен как к воинам армии и флота, так и к сотрудникам госбезопасности.

Прославляя героическую Советскую Армию и народ-победитель, мы не вправе забывать и тех, кто находился на «невидимом» фронте битвы с врагом, вел борьбу со шпионами, диверсантами, террористами, изменниками, способствуя тем самым разгрому немецких войск.

Свыше 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных органов сосредоточил гитлеровский абвер против нашей страны. Этой армаде умело противостояли сотрудники Особых отделов фронтов, затем созданного «Смерш». Этого квалифицированного оперсостава постоянно не хватало: люди гибли и на фронте, и при проведении сложных рискованных операций.

Успешные действия армейских контрразведчиков вынудили руководство абвера прекратить массовую заброску агентуры. После краха молниеносной войны, в период с ноября 1942 до конца 1943 года, немцы создали мощную сеть разведывательных школ по подготовке агентов, диверсантов и террористов. Однако к 1944 году уже стало ясно, что абвер потерпел поражение в противоборстве с нашей контрразведкой.

По неполным данным, более 6 тысяч армейских чекистов погибли в годы войны. Тысячи военных контрразведчиков за образцовое выполнение поставленных задач награждены орденами и медалями, а контрразведчикам П.А. Жидкову, Г.М. Кравцову, М.П. Крыгину и В.М. Чеботареву за проявленное мужество и героизм было посмертно присвоено звание Героев Советского Союза.

Мы горды, что сегодня в одном строю с нами уважаемые ветераны, контрразведчики-фронтовики. Как и в годы войны, они занимают активную жизненную позицию, остро реагируют на негативные процессы, происходящие в нашем обществе, участвуют в патриотическом воспитании молодежи. К сожалению, их ряды сокращает неумолимый ход времени. В последние годы ушли от нас такие замечательные военные чекисты, как Н.А. Душин, Н.Н. Кошелев, В.И. Бадьин, А.М. Гуськов, И.Я. Леонов, А.К. Соловьев, А.М. Алов, А.С. Евдокшин, М.М. Зимбулатов и многие другие.

Более шестидесяти лет прошло со Дня Победы, и не у всех наших современников имеется правильное, хотя бы в целом ясное представление о деятельности военной контрразведки в годы войны. Тем ценнее для нас живые свидетельства ветеранов военной контрразведки – участников Великой Отечественной войны. Это мемуары А.И. Матвеева «1418 дней и

ночей Великой Отечественной войны» (Москва, «Ягуар», 2002 г.); А.М. Гуськова «Под грифом правды» (Москва, «Русь», 2004 г.); И.Л. Устинова «Крепче стали» (Москва, «Русь», 2005 г.); О.Г. Ивановского «Записки офицера «Смерш» (Москва, Центрполиграф, 2006 г.); Г.М. Шумилина «За Волгой для нас земли нет»; «Со специальным заданием» и некоторые другие.

В одном ряду с этими нужными и востребованными книгами, составляющими золотой фонд мемуаров о Великой Отечественной войне, будет стоять и настоящая книга Л.Г. Иванова «Правда о «Смерш». Это живое и яркое свидетельство ветерана о деятельности военных контрразведчиков в годы войны, а также о его службе в послевоенный период. Свидетельство это тронуту нескрываемым беспокойством о сегодняшнем дне родной страны, заботой о ее будущем.

Хотелось бы выразить свое восхищение и благодарность Леониду Георгиевичу за его мемуарный труд. Находясь в весьма почтенном возрасте, который приближается к 90-летнему рубежу, он поделился своими воспоминаниями, своими сокровенными мыслями с нами – его современниками. Как и любое творческое занятие, литературное дело требует самопожертвования, настойчивой внутренней потребности, готовности выразить себя. Без этих условий даже приказ «сверху», о котором упоминает автор в послесловии, не поможет. Поэтому пожелание творческих успехов, которое в самом деле по-товарищески высказывалось автору, и моральная поддержка остаются всего лишь следствием его большого труда. Первичным же было его глубокое желание обратиться с воспоминаниями и раздумьями к широкой общественности, и прежде всего к коллегам по профессии – военным контрразведчикам. Решение написать воспоминания созрело у автора давно, и сделал он это по зову сердца.

Это подтверждает и сам Леонид Георгиевич, отметив в самом начале повествования, что к написанию этих записок его подтолкнули предпринимаемые в средствах массовой информации попытки «оклеветать подвиг советского солдата в годы Великой Отечественной войны», а также «возмутительная ложь в адрес «Смерш». Здесь нельзя не согласиться с автором, но об этом ниже. Сначала – немного истории.

Как известно, в преддверии войны руководство страны искало пути реформирования деятельности органов госбезопасности, в т. ч. Особых отделов. Постановлениями ЦК ВКП (б) от 3 февраля, а также СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 8 февраля 1941 года из единого ведомства были выведены все разведывательные, контрразведывательные и оперативно-технические подразделения Главного управления госбезопасности (ГУГБ), на базе которых образовали Наркомат госбезопасности (НКГБ) СССР.

Военную контрразведку подчинили наркоматам обороны и ВМФ в виде третьих управлений этих ведомств, полагая, что такая организация позволит третьим отделам на местах более тесно взаимодействовать с военным командованием в условиях войны.

Однако начавшаяся война внесла свои коррективы – потребовалась централизация в обеспечении государственной безопасности страны и Вооруженных Сил. 17 июля 1941 года И.В. Сталин подписал постановление ГКО СССР «О преобразовании органов 3-го Управления НКО СССР в Особые отделы НКВД СССР». В центре было создано Управление Особых отделов во главе с заместителем наркома внутренних дел, комиссаром госбезопасности 3-го ранга В.С. Абакумовым.

С начала войны по декабрь 1941 года Особыми отделами НКВД было арестовано 2343 шпиона, 669 диверсантов, 4647 изменников, 3325 трусов и паникеров, 13887 дезертиров, 4295 распространителей провокационных слухов, 2358 «самострельщиков». 27 декабря 1941 года И.В. Сталин подписал постановление ГКО СССР о государственной проверке (фильтрации) военнослужащих Красной Армии, бывших в плену или в окружении войск противника.

После победоносного Сталинградского сражения, продолжавшегося 200 дней и ночей, стратегическая военная инициатива перешла к советским войскам.

Военная разведка к весне 1943 года также осуществила ряд весьма успешных операций по проникновению в спецорганы и школы абвера. Возрастала масштабность задач, стоявших перед Особыми отделами, по ограждению войск от агентуры противника, надежному контрразведывательному обеспечению предстоящих стратегических наступательных операций Красной Армии на советско-германском фронте. В связи с этим было принято решение о реорганизации органов госбезопасности.

Согласно постановлению СНК СССР № 415-138 сс от 19 апреля 1943 года, подписанному И.В. Сталиным, из ведения НКВД СССР было изъято Управление Особых отделов, в том числе и морской отдел этого управления, на базе которых было образовано Главное управление контрразведки «Смерш» НКО и Управление контрразведки «Смерш» НК ВМФ.

Всего за годы войны военной контрразведкой было обезврежено более 30 тысяч шпионов, около 3,5 тысячи диверсантов и свыше 6 тысяч террористов. К немцам, за линию фронта, было заброшено свыше 3 тысяч агентов.

За период с 19 апреля 1943 года до окончания войны органами ГУКР «Смерш» НКО СССР было проведено 183 радиоигры. Подобного размаха работы не знала ни одна спецслужба в мире. Дезинформация, передаваемая гитлеровцам, способствовала успеху Курской битвы, Белорусской, Ясско-Кишиневской, Висло-Одерской и других операций.

17 июля 1944 года по улицам нашей столицы было проконвоировано 57 600 немецких военнопленных, взятых в плен в ходе блестяще проведенной (под руководством К.К. Рокоссовского) операции «Багратион», которая явила собой великолепный образец воинского искусства. В победе, одержанной в Белорусской операции, несомненно, была частица напряженного труда военных контрразведчиков, успешно осуществивших мероприятия по дезинформации немецкой военной разведки и командования вермахта.

Основное внимание контрразведчики сосредоточивали на борьбе с вражеской агентурой, проникавшей в войска и их окружение. Особое значение при этом придавалось организации эффективной контрразведывательной работы в штабах, предупреждению утечки сведений о планах и замыслах военного командования.

Внедренные в разведшколы абвера советские разведчики после тщательного изучения склоняли к явке с повинной некоторых подготовленных к переброске на советскую сторону агентов, а через наиболее надежных из них доставляли в Особые отделы фронтов собранную ими информацию.

В ноябре 1941 года боевое охранение 227-й стрелковой дивизии задержало при переходе через линию фронта бывшего командира саперной роты 6-й армии К. Воинова, который потребовал встречи с контрразведчиками. Его отправили в Особый отдел фронта в Воронеж. Там было установлено, что в плен он попал не по своей вине. Воинов сообщил, что в лагере для военнопленных на него обратили внимание представители абвера и завербовали его (в 1937 году были репрессированы родители его жены, а сам Воинов исключен из партии). Согласие на сотрудничество с врагом он дал, чтобы явиться с повинной и вновь вступить в борьбу с захватчиками. Контрразведчики перевербовали Воинова, снабдив военными сведениями, которые показались немцам настолько существенными, что они решили направить «ценного агента» в Варшавскую разведывательную школу в качестве преподавателя инженерного дела. За семимесячный срок пребывания в школе Воинов сумел раздобыть негативы фотографий многих ее преподавателей, готовящихся агентов, выяснить характер заданий и предполагаемые районы выброски. Сведения он держал во взрывпакете, залитом расплавленным толом, который он вручил перед заброской в распоряжение советских войск перевербованному им курсанту. Вскоре толовая шашка с важными сведениями оказалась в Особом отделе 23-й армии. Содержавшаяся в ней информация поистине не имела цены. Благодаря полученным сведениям Особыми отделами Сталинградского и Юго-Восточного фронтов были задержаны в полосе от Борисоглебска до Моздока почти все 112 агентов, о которых сообщал Воинов.

Особой заботой контрразведчиков было наведение порядка на боевых позициях обслуживаемых частей. Они нередко появлялись на самых угрожаемых участках, участвовали, а порой и возглавляли атаки, первыми поднимаясь и увлекая за собою бойцов. Многие из них, получив ранение, после оказания медицинской помощи оставались в своих частях и продолжали выполнять служебно-боевые задачи.

...К февралю 1942 года только Особые отделы НКВД Ленинградского фронта потеряли в боях около 300 сотрудников. В отчете этого органа, в частности, указывалось: «Работники Особых отделов и личный состав заградительных отрядов наряду с выполнением своих основных задач по борьбе со шпионажем, паникерами, трусами, дезертирами в нужный момент непосредственно участвовали в боевых операциях, а в отдельных случаях принимали на себя командование подразделениями, показывая при этом образцы мужества, бесстрашия, беззаветной преданности Родине».

...На Сталинградском фронте 14 октября 1942 года 109-й гвардейский стрелковый полк был отрезан от главных сил дивизии и вел тяжелые бои в окружении. Военные контрразведчики находились в боевых порядках. Когда был ранен командир одного из батальонов Ковалев, его место занял старший оперуполномоченный того же полка Сергей Ефанов, который, подняв бойцов, отразил очередную атаку немцев. Силы постепенно иссякли, и рота связи, где в то время находился Ефанов, оказалась отрезанной от основных сил. В этой тяжелой ситуации Ефанов не пал духом, а нашел в себе силы, чтобы поднять остатки роты в атаку, смять растерявшегося противника и соединиться с основными силами. В горячке боя Ефанов даже не заметил, что получил серьезное ранение...

Такое поведение оперативных работников было характерно и для других фронтов. Подобные ситуации вспоминает в своей книге и Л.Г. Иванов. Он был одним из тех, кто в боевой обстановке не только грамотно и ответственно вел оперативную работу, но личным примером в бою не раз демонстрировал свое мужество и волю к победе.

В последнее время у некоторых авторов стало «модным», касаясь темы войны и, в частности, деятельности органов «Смерш», не употреблять таких понятий, как патриотизм, подвиг, героизм. Особенно это характерно для лиц, пишущих «по заказу». А ведь эти слова не просто гипербола, по сути своей они формируют характер воина, делают его непобедимым. Патриотизм – вековая традиция русского народа, которую нужно лелеять, поддерживать, развивать и приумножать.

Шквал «критических» публикаций можно было наблюдать в преддверии празднования 60-летия Великой Победы. В ряде произведений прямо искажается деятельность военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны. В них негативно или односторонне освещается оперативная и следственная практика органов «Смерш». Мягко говоря, критика, а точнее говоря, фальсификации затрагивают действия заградотрядов, фильтрационную работу смершевцев.

Создание заградительных отрядов предусматривалось приказом Народного комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 года. Эта суровая мера вытекала из сложившейся на фронте обстановки. Летом 1942 года, в условиях почти непрерывного отступления, зачастую бегства, обойтись без нее, видимо, было нельзя. Следует отметить, что в целом приказ «Ни шагу назад!» сыграл свою положительную роль. Например, 23 августа только в Сталинграде, в районе тракторного завода, оперативная группа Особого отдела 62-й армии задержала около тысячи бойцов и командиров, пытавшихся переправиться на левый берег Волги. В период с 26 по 29 августа задержали еще две с половиной тысячи человек.

Большая часть задерживаемых возвращалась на боевые позиции, значительное число – одиночки и мелкие группы – направлялись для проверки в пункты фильтрации. И здесь выявлялось немало вражеской агентуры. Например, в ноябре 1942 года в полосе Сталинградского фронта заградотряды и пограничные полки, охранявшие тыл действующей армии, задержали

12 818 военнослужащих, из них на укомплектование частей было направлено 6728 человек без фильтрации, прошли фильтрацию 6090, при этом 77 оказались агентами немецкой разведки, 296 изменниками и 61 дезертирами. Таким образом, число лиц, преданных суду, составило чуть более 3 процентов.

Аналогичную цель преследуют публикации, обеляющие предательство, в частности, «власовщину». Власов – это сдавшийся в плен и перешедший на сторону врага командующий 2-й ударной армией Волховского фронта. На первом же допросе он изъявил желание сотрудничать с нацистами. В дальнейшем Власов был поставлен гитлеровцами во главе так называемого «Русского комитета» (с 1944 года – «Комитет освобождения народов России»), занимавшегося формированием «Русской освободительной армии».

Власов был захвачен 13 мая 1945 года на территории Чехословакии, о чем в тот же день за подписью командования 1-го Украинского фронта (Конев, Крайнюков, Петров) отправили в ГКО шифротелеграмму следующего содержания: «13 мая с.г. войсками Пухова захвачен изменник Власов, который сейчас находится в отделе «Смерш» 13-й армии». Власов был пленен командиром Красной Армии капитаном Якушевым. При задержании у него имелся американский паспорт, выписанный на его имя. На допросе он показал, что намеревался пробраться на территорию, занятую союзническими войсками.

В документах Особого отдела НКВД Волховского фронта, имеющих отношение к розыску Власова, отмечается, что 2-я Ударная армия в результате военных неудач потеряла боеспособность: из окружения удалось вывести лишь около 25 процентов личного состава. Вина за случившееся возлагается на командующего Власова, члена ВС Зуева, начальника штаба Виноградова, а также командующего фронтом генерал-лейтенанта Хозина, не обеспечившего своевременный отвод войск армии и проведение операции по разгрому врага. Документы свидетельствуют, что в обстановке окружения Власов проявил безволие и, как отмечали окружающие, «рассеянность», он пьянствовал и развратничал, боевыми действиями практически не руководил.

Персональный водитель командующего Н.В. Коньков свидетельствовал о том, что в момент подготовки к прорыву, в котором участвовали от 150 до 200 человек, включая коноводов, парикмахера и повара, особо проявил себя начальник Особого отдела 2-й ударной армии майор госбезопасности А.Г. Шишков, который беседовал с бойцами, ободрял их, призывал проявлять мужество, сам вместе с бойцами пошел в атаку. Во время боя неподалеку разорвался снаряд, и А. Шишков был тяжело ранен. Не желая обременять товарищей в критических условиях, когда требовалась высокая мобильность, и не желая попасть в плен к врагу, он застрелился последней пулей. Власов же оказался трусом и предателем, таким он навсегда останется в памяти нашего народа.

Вслед за «Штрафбатом» на экраны России вышел еще один «шедевр» – фильм «Сволочи» (Россия, Фонд Ролана Быкова, Продюсерская кинотелевизионная компания «Ритм», 2005 г.). В фильме рассказывается о якобы существовавшей под Алма-Атой спецшколе НКВД по подготовке диверсантов-смертников из числа малолетних преступников-сирот. Достоверно известно, что советские органы госбезопасности никогда не забрасывали в тыл противника диверсионных или иных групп из подростков. Гитлеровские же спецслужбы широко использовали против наших частей разведчиков-подростков из числа воспитанников детских домов, которых не успели эвакуировать. Эти «агенты» готовились в Криворожской и Лисичанской разведшколах. Сошлюсь на конкретный пример.

В сентябре 1943 года органами «Смерш», НКВД и НКГБ было арестовано 28 агентов-диверсантов германской военной разведки в возрасте от 14 до 16 лет, переброшенных на сторону частей Красной Армии на самолетах. 10 диверсантов были сброшены в район Гжатска, Ржева, Сычевки, еще 10 – десантированы на территории Воронежской и Курской областей, остальные 8 – в районе Москвы и Тулы. Как показали арестованные, они имели задание

совершать диверсионные акты на линиях железных дорог, идущих к фронту, путем вывода из строя паровозов. Для этого они были снабжены взрывчатым веществом специального состава, внешне похожим на куски каменного угля. Эту взрывчатку они должны были подбрасывать в угольные штабеля, расположенные у железнодорожных станций.

Представленная широкому читателю книга Л.Г. Иванова написана на основе архивных документов и личных воспоминаний автора. Для самого Леонида Георгиевича характерны высокое чувство патриотизма, верность долгу, стойкость, мужество и высокий профессионализм. Родина для генерала Л.Г. Иванова – самое святое понятие. Особенно это проявилось в годину испытаний, выпавших на долю людей его поколения. Леонид Георгиевич находился на фронте с первого до последнего дня. На его счету более 30 разоблаченных агентов абвера. Без малого 50 лет отдал он нелегкому труду военного контрразведчика!

Он – кавалер 9 боевых орденов, Почетный сотрудник госбезопасности, инвалид Великой Отечественной войны II группы.

За участие в боях по освобождению городов Очакова, Николаева, Одессы, Кишинева, Варшавы и овладение городом Берлином был удостоен 10 благодарностей Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Майор Л.Г. Иванов принимал участие в оперативном обеспечении по линии «Смерш» подготовительных мероприятий и процедуры подписания в Карлсхорте 8 мая 1945 года «Акта о военной капитуляции германских вооруженных сил».

В годы войны он прошел путь от оперуполномоченного стрелкового батальона до начальника отделения ОКР «Смерш» 5-й ударной армии. В послевоенные годы возглавлял крупные подразделения органов военной контрразведки – Особые отделы КГБ при Совете министров СССР по Прибалтийскому, Киевскому, Московскому военным округам и Южной группе войск.

Автор выступает как непримиримый борец с любыми попытками под разными «удобными предлогами» исказить работу сотрудников органов «Смерш», необоснованно лишить их деятельность ореола мужества и героизма. Согласиться с такого рода фальсификациями для автора равносильно предательству боевых друзей, павших на фронтах Великой Отечественной войны. В поддержку позиции Леонида Георгиевича лучше всего привести слова погибшего на фронте поэта Майорова:

И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

Спасибо, Леонид Георгиевич, за книгу! Она необходима действующим сотрудникам контрразведки; убежден, заинтересует и молодежь.

Руководитель Департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-полковник А.Г. Безверхний

Образование и задачи «Смерш»

В своей длинной по человеческим меркам жизни мне довелось встретить тысячи людей, самых разных – простых и хитрых, веселых и суровых, открытых и замкнутых, сдержанных и импульсивных. Эти люди по-разному относились к своему долгу и чести, к жизни и к Родине.

В этих записках я хотел рассказать о тех людях, с которыми мне посчастливилось жить, о том замечательном, несмотря ни на что, времени, на которое прихлясь моя молодость. Ибо, как заметил великий русский поэт еще более полутора столетий назад: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые».

Как солдат, отдавший свою жизнь служению в военной контрразведке, я хотел вспомнить некоторые эпизоды своей боевой юности, когда мне довелось пройти от западной границы до Сталинграда и от Сталинграда до Берлина.

К написанию этих страниц меня в какой-то степени подтолкнула клевета, которая в изобилии стала появляться и плодиться на различных, главным образом желтых, печатных страницах в годы горбачевско-ельцинской «демократии». Клевета касалась самого святого – подвига советского солдата в годы Великой Отечественной войны. Среди клеветников оказались люди самых разных национальностей, гордящиеся своей нерусскостью (в какой еще стране это возможно!), люди, чья главная, хотя и скрытая, суть в том, что свою бесталанность и никчемность они списывают на промахи политики Советского государства. Заметим, Государства, победившего неграмотность и разруху, разгромившего германский фашизм и целый десяток агрессивных государств, управляемых антисоветскими и антирусскими правительствами. В противостоянии с Америкой, несказанно обогатившейся в годы мировых войн, Советский Союз добился ряда исключительных побед, вошел в число лидирующих государств по продолжительности жизни, в инженерном плане создал образцы техники, обогатившие мировую цивилизацию, открывшие человечеству путь в космос, поставившие энергию атомного ядра на службу военную и народнохозяйственную.

Чего не научились делать в Советском Союзе, так это изощренно и ловко лгать, возводя корыстную ложь в политическую сверхзадачу, подчиняя ей все средства и силы, безжалостно, но скрытно расправляясь с инакомыслием.

В сегодняшней буржуазной России с необходимостью доказывать преимущества политического и государственного образования под названием РФ над великим и могучим СССР ложь стала ремеслом многих политиков, журналистов, режиссеров, ведущих. Лгут они виртуозно – и по мелочам, и по-крупному, лгут так, что даже их западные кураторы замолкают – не то брезгливо, не то смущенно.

В годы войны мне довелось служить в «Смерш», поэтому для меня особенно возмутительно ложь в его адрес.

В этой книге мне хотелось бы в силу своих возможностей сказать правду о деятельности «Смерш» в годы Великой Отечественной войны. Во время войны мы дневников не вели,

это было категорически запрещено, да, собственно говоря, и заниматься этим делом не было времени. Поэтому в книге я вспоминаю в основном то, чем занимался на фронте, стараясь исключить всякую выдумку и приукрашивание. В некоторых местах своего повествования мне пришлось обратиться к архивным материалам.

В апреле 1943 года решением высших государственных инстанций были образованы органы военной контрразведки «Смерш» (смерть шпионам). Уже это одно название органов военной контрразведки свидетельствовало об основной направленности в их деятельности.

Органы «Смерш» были созданы не на пустом месте. В основе их образования были Особые отделы НКВД, действовавшие в армии и на флоте.

Особые отделы, созданные 19 декабря 1918 года по инициативе В.И. Ленина и Ф.Э. Дзержинского, прошли славный боевой путь, внесли достойный вклад в дело обеспечения защиты нашей Родины.

Особые отделы как политические, государственные, военные и карательные органы росли и мужали вместе с нашими героическими Вооруженными силами. История Особых отделов воедино связана с историей борьбы за честь и независимость нашей Родины.

К апрелю 1943 года Особые отделы имели квалифицированный кадровый состав, обладали опытом работы не только в мирное время, но проявили себя и в ходе боевых действий в районе озера Хасан и Халхин-Гола, Советско-финляндской войны. Оперативные сотрудники приняли активное участие в освободительных походах в Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию, Бессарабию и Северную Буковину.

К моменту образования органов «Смерш» Оперативные отделы имели почти двухгодичный опыт боевой работы на фронтах Великой Отечественной войны.

Контрразведка «Смерш» по сути решала те же задачи, что и бывшее Управление Особых отделов НКВД СССР. Эти задачи конкретизированы в соответствующих пунктах Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР:

- борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;
- принятие через командование необходимых оперативных и иных мер «к созданию на фронте условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта, с тем чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов»;
- борьба с предательством и изменой родине в частях и учреждениях армии, с дезертирством и членовредительством на фронтах, проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника, а также выполнение специальных заданий народного комиссара обороны.

Этим же актом повышался статус начальника Главного управления контрразведки (ГУКР) «Смерш» НКО: тот объявлялся заместителем наркома обороны, т. е. И.В. Сталина, и подчинялся непосредственно только ему.

Заместителем наркома обороны и начальником ГУКР «Смерш» был назначен В.С. Абакумов. Структура местных органов устанавливалась применительно к ГУКР «Смерш». Для обеспечения оперативной работы фронтовому управлению выделялся батальон, армейскому отделу – рота, дивизионному отделу – взвод.

Органы военной контрразведки всех уровней могли осуществлять выемки, обыски и аресты военнослужащих. Аресты в обязательном порядке согласовывались с военным прокурором. Аресты старшего начсостава органы «Смерш» могли производить только с санкции И. Сталина.

Органы «Смерш» в исключительных случаях, в боевой обстановке, имели право применять оружие.

Интересна история самого появления слова «Смерш». Руководителями фронтовых Особых отделов предлагались различные наименования. Многие склонялись к несколько неловой аббревиатуре «Смернеш» – смерть немецким шпионам. Но тут И.В. Сталин заметил:

– А почему, собственно говоря, речь должна идти только о немецких шпионах? Разве другие разведки не работают против нашей армии? Давайте назовем эту организацию «Смерть шпионам», а сокращенно «Смерш».

Слова «Смерть шпионам» были произнесены еще В.И. Лениным и Ф.Э. Дзержинским в мае 1919 года, когда ими было подписано воззвание в адрес Советской страны. И вот теперь, в грозную годину, те же слова закладывались в название органов, обеспечивающих безопасность Красной Армии, ведущей смертельную борьбу с германским фашизмом и его приспешниками.

...Тогда же, в апреле 1943 года, И.В. Сталин утвердил штаты ГУКР «Смерш» в количестве 646 человек. Штат управления «Смерш» фронта колебался от 112 до 130 человек, «Смерш» армии – 57 человек, «Смерш» дивизии – 21 человек.

В июне 1943 года появилась основополагающая инструкция ГУКР «Смерш» с подробным изложением задач, методов работы и прав органов военной контрразведки. Перед ее составлением руководители ГУКР «Смерш» побывали на фронтах и провели беседы с оперработниками, уже имевшими опыт работы в боевой обстановке.

В мае 1943 года, когда я был старшим оперуполномоченным контрразведки «Смерш» 51-й армии (отдел находился в шахтерском городке им. Энгельса, в 5 км от города Краснодона Ворошиловградской области), такую беседу провели и со мной. К нам приезжали тогда первый зам. начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенант Н.Н. Селивановский и начальник управления контрразведки Южного фронта генерал-майор Н. Ковальчук. Поскольку к этому времени я уже работал в боевых частях на переднем крае, они в течение 3 – 4 часов беседовали со мной об особенностях оперативной работы в боевых условиях, о трудностях и проблемах. Беседовали на эту тему они и с другими офицерами контрразведки.

Сразу после беседы со мной был подписан приказ о моем назначении заместителем начальника 4-го отделения контрразведки «Смерш» 51-й армии.

Отделение это было важнейшим: оно занималось конкретным оказанием практической помощи отделам контрразведки «Смерш» корпусов и дивизий, контролем за их работой. Мы постоянно находились в боевых частях, работали с оперсоставом.

Если говорить кратко о задачах «Смерш», то они сводились к тому, чтобы оказать нашими специфическими средствами помощь командованию для обеспечения победы над врагом. Работники «Смерш» не только вели оперативную работу, но и принимали непосредственное участие в боях, ходили в атаки, нередко, в случае гибели командира, брали на себя командование подразделением, часто руководили выводом личного состава из окружения.

В первые полтора года войны перед оперработниками ставилась задача вместе с комиссаром поднимать людей в атаку. Конечно, оперативники «Смерш» работали не только в частях и подразделениях, но и непосредственно в прифронтовой полосе и за линией фронта.

Командованию частей нередко предоставлялась ценная разведывательная информация о противнике, о расположении его частей, об их численности, вооружениях, замыслах и т. д.

Органы «Смерш», являясь первыми представителями органов госбезопасности на освобожденных от захватчиков территориях, выявляли и арестовывали агентов гестапо и абвера, немецких пособников, полицаяв, старост, комендантов и подкомендантов и т. п.

Может возникнуть вопрос: «А что же изменилось с образованием органов «Смерш»? Ведь в принципе они исполняли те же функции, что и Особые отделы».

До образования «Смерш» особые отделы входили в состав НКВД и их сотрудники соответственно являлись сотрудниками органов внутренних дел, а не армейскими офицерами. На этой почве нередко возникали трудности и даже недоразумения в вопросах, например, материального обеспечения особых отделов или их взаимодействия с командованием. С образо-

ванием органов «Смерш» их сотрудники были выведены из состава НКВД и организационно вошли непосредственно в состав наркомата обороны.

Офицеры «Смерш» стали армейскими офицерами с армейскими же званиями, а не со спецзваниями, как было до этого. На них полностью распространились все приказы НКО.

Подчиненность же офицеров «Смерш» оставалась ведомственной. Это означало, что, скажем, старший оперуполномоченный полка подчинялся по оперативной работе не командиру полка, а начальнику «Смерш» дивизии, последний, в свою очередь, начальнику «Смерш» корпуса и т. д. Ну а начальник ГУКР «Смерш» В.С. Абакумов, как было указано выше, подчинялся непосредственно И.В. Сталину и выполнял его указания. Несмотря на это, органы «Смерш» не были изолированы от командования, а работали в полном взаимодействии с ним, предоставляя ему необходимую информацию и оказывая друг другу всяческую помощь.

Органы «Смерш» пользовались высочайшим авторитетом и уважением в войсках. Тысячи офицеров «Смерш» награждены боевыми орденами и медалями. Награждение производило командование воинских частей по своей инициативе от имени Президиума Верховного Совета СССР.

Следует отметить, что органы военной контрразведки не впервые организационно входили в состав Вооруженных сил СССР. Еще в 1941 году было принято решение о переименовании Особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД в третье управление и о вхождении его в состав наркомата обороны. Положение о третьем управлении утвердил своим приказом нарком обороны С.К. Тимошенко.

В этом приказе излагались задачи новых подразделений, определялись формы и методы чекистской работы – все то, что раньше было особо засекречено. Приказ предполагалось объявить не только оперсоставу, но и всем офицерам Вооруженных сил вплоть до командира взвода. Теперь все офицеры узнали святая святых – о деятельности третьих отделов. Для большинства из них это было страшным откровением.

Кроме того, третьи отделы, подчиняясь по своей основной ведомственной линии, одновременно находились как бы и в подчинении общевойскового командования. Такая не совсем понятная двойственность в подчинении вызывала большие осложнения в работе третьих отделов, нередко приводила к недоразумениям. Все это не могло не сказаться отрицательно на работе третьих отделов, и непосредственно перед началом войны они в целом ослабили свою работу.

Названный приказ был серьезной ошибкой, которая долгое время отрицательно сказывалась на всей деятельности органов военной контрразведки.

С началом Великой Отечественной войны третьи отделы были упразднены и органы контрразведки вновь вернулись к Особым отделам.

Ничего подобного не было допущено при издании Постановления о создании органов «Смерш». Как было указано выше, органы «Смерш» строго подчинялись только по своей ведомственной линии, командование частей и подразделений в их оперативную работу не вмешивалось. Но это вовсе не означало, что органы «Смерш» были оторваны от командования, которое в свою очередь получало большую и разнообразную помощь от оперативников.

Таким образом, у органов «Смерш» и у командования было налажено полное взаимодействие и понимание. Не следует также забывать, что офицеры «Смерш», работая в воинских частях, жили их жизнью, разделяли все успехи личного состава, вместе переживали их недостатки, сполна делили трудности и радости.

Наше поколение во время Великой Отечественной войны выдержало все: и натиск противника, и горечь поражений, и гибель родных и друзей, и тяготы фронтового быта, и критические эмоциональные нагрузки, и многое другое. Но, на каких бы участках фронта мы ни находились, мы твердо верили в нашу победу. У нас не было и тени сомнений в том, что мы делаем: мы отстаиваем свободу и независимость своей великой державы – любимой Родины.

В 70-е годы большим советским писателем В.О. Богомоловым было создано прекрасное произведение о работе «Смерш» в годы войны – «Момент истины». Некоторые читатели называют эту книгу лучшим художественным произведением о Великой Отечественной войне вообще. Эта исключительно живая, яркая, насыщенная приключениями и фрагментами реальных документов книга свидетельствует о том интересе, с каким относился наш народ к сложной, напряженной, полной опасностей работе «Смерш». Интерес этот не пропал, несмотря ни на что. Свидетельство тому – фильм по названной книге, появившийся несколько лет назад. Замечу, что книга написана честно и, за исключением небольших несообразностей, правдиво и живо рисует заявленную картину. Фильм же, снятый по книге, по своей точности, исторической верности, а главное – по художественной силе, к сожалению, получился несколько слабее.

Оглядываясь на пройденный путь, можно утверждать, что Особые отделы, а затем органы «Смерш» внесли большой вклад в нашу победу над фашистской Германией. Кто знает, не будь активной, напряженной, порой героической, результативной работы органов «Смерш» в годы войны, и победа наша, возможно, была бы не в мае 1945 года, а несколько позже и досталась бы с большими потерями.

Нам, военным контрразведчикам «Смерш», отвратительно слышать и читать на газетных и журнальных страницах, во многих телевизионных и радиопрограммах негативную, лживую, а порой даже враждебную оценку роли «Смерш» в годы войны. Идет открытая клевета на «Смерш», умышленно принижается роль военной контрразведки в достижении победы, извращается суть ее работы.

Подчас офицеры «Смерш» изображаются безграмотными, тупыми людьми, которые якобы пытались поставить себя над командованием. В современной враждебной трактовке они сплошь и рядом нарушают соцзаконность, проводят незаконные репрессии, при этом отсиживаются в тылу, где пьянствуют и развлекаются с женщинами. Причем обо всем этом, как правило, говорят и пишут люди, которые сами ни одного дня не были на фронте, не нюхали пороху, не ходили в атаку и ни разу в жизни не видели живого контрразведчика.

Все это не может не вызывать протеста и возмущения у оставшихся в живых фронтовиков-контрразведчиков. Я не исключаю, что в суровые годы Великой Отечественной войны, при столкновении двух миров, могли быть отдельные нарушения социалистической законности со стороны «смершевцев», но в своей основе они были честными, отважными и ответственными людьми, преданными своей Родине. Эти люди на своих плечах вынесли основную тяжесть борьбы с подготовленными агентами врага, с изменниками Родины, с предателями, дезертирами, диверсантами и вредителями – со всеми теми, кто любыми средствами наносил ущерб нашей армии, кто сознательно переходил на сторону врага, кто в своей ненависти к нашей Родине, понимая, что возврата нет, стоял до последнего.

Будучи кадровым военным контрразведчиком, я прошел всю войну с первой и до последней минуты. Ночью в июне 1941-го, когда советский народ еще не знал о нападении фашистской Германии, вместе с пограничниками мне довелось принять участие в боях на границе с Румынией, а в мае 1945 года я в составе опергруппы «Смерш» 1-го Белорусского фронта обеспечивал мероприятия по безопасности подписания Акта о капитуляции фашистской Германии. Советский народ еще не знал об окончании войны, а мы уже поднимали тост за долгожданную победу.

В органах военной контрразведки я принимал участие в обороне трех городов-героев – Одессы, Керчи и Сталинграда. Прошел путь от оперуполномоченного стрелкового батальона до начальника отделения контрразведки «Смерш» 5-й ударной армии. Войну закончил в звании майора.

Дважды – под Керчью и Сталинградом был тяжело контужен в голову, в госпиталь не ложился, оставался на передовой. Сейчас я инвалид Великой Отечественной войны II-й группы.

По окончании войны работал начальником отдела в центральном аппарате КГБ, а также был начальником особых отделов Прибалтийского военного округа, Южной группы войск, Киевского военного округа, Московского военного округа.

Я горжусь тем, что на фронтах Великой Отечественной войны был военным контрразведчиком и внес свой скромный вклад в нашу победу.

Как говорилось выше, основной и главной задачей органов «Смерш» была борьба с агентурой фашистской Германии. В начале войны гитлеровская разведка, надеясь на блицкриг, не вела серьезной агентурной работы, не уделяла должного внимания подготовке агентов. Конечно, заброски агентов через линию фронта были. Но это были агенты без должной разносторонней подготовки, порой лишь наспех проинструктированные. Агенты противника подбирались тогда в основном из оказавшихся в плену военнослужащих и из местного населения. Перед ними, как правило, ставились задачи сеять панику в наших войсках, навязывать бойцам пораженческие настроения, указывать цели самолетам противника путем пуска ракет, собирать различные военные сведения. Снабжались эти агенты примитивной легендой, без каких бы то ни было документов прикрытия. Но все это было только в начальном периоде войны, когда концентрированные танковые колонны немцев, а за ними и войска быстро продвигались вперед по нашей территории. Впоследствии же, когда немецкая военная машина стала пробуксовывать и давать сбои, дело подготовки агентов изменилось коренным образом.

В зависимости от выполняемых задач появилось несколько категорий агентов:

- шпионы-разведчики. Перед ними ставились задачи сбора информации о частях и вооружениях Красной Армии, их передвижениях, концентрациях, замыслах и т. п. Вся эта информация своевременно должна была передаваться в разведцентры;

- агенты-диверсанты. Задача – подрыв важных военных и народнохозяйственных объектов. Они снабжались соответствующими подрывными средствами;

- агенты-террористы. Задачей этой группы агентов были убийства командиров Красной Армии и высших правительственных чиновников;

- агенты-пропагандисты. Перед ними ставилась задача проникновения в войска, с тем чтобы исподволь, аккуратно внушать бойцам мысль, что Советский Союз войну проиграл, что немцы скоро победят, что хватит кормить вшей в окопах и зря проливать кровь, что лучше пойти и сдаться в плен к цивилизованным немцам, которые обеспечивают теплой одеждой, жильем, достаточным питанием, шнапсом и девочками.

На оккупированной немцами территории были созданы несколько десятков разведывательных школ с определенными профилями подготовки.

Там будущих агентов тщательно обучали и инструктировали, иногда в течение нескольких месяцев, а то и более года. Только в 1943 году было подготовлено свыше 5000 шпионов и диверсантов.

В школы подбирались лица из числа изменников Родины, немецких пособников, а также некоторых категорий военнопленных.

Правда, что касается военнопленных, то большинство солдат и офицеров Красной Армии, оказавшихся в немецком плену, соглашались работать на противника с одной целью – вырваться из гитлеровских лагерей и перейти к своим, чтобы продолжить борьбу с захватчиками. Шефы немецких спецслужб хорошо понимали это и весьма скептически оценивали эффективность своих резидентур из числа советских военнопленных. Так, бывший начальник отдела «абвер-1» генерал-лейтенант Ганс Пиккенброк после войны признавал:

«Россия – самая тяжелая страна для внедрения вражеской разведки... После вторжения германских войск на территорию СССР мы приступили к подбору агентов из числа военнопленных. Но трудно было распознать, имели ли они действительно желание работать в качестве агентов или намеревались таким путем вернуться в ряды Красной Армии... Многие агенты после переброски в тыл советских войск никаких донесений нам не присылали».

Перед выброской в наш тыл агентов тщательно и разносторонне инструктировали, снабжали подготовленными документами прикрытия, обеспечивали большим количеством советских денег. Начиная с 1943 года активная переброска через линию фронта производилась в заранее подготовленные места с помощью самолетов.

Легенды прикрытия не отличались особым разнообразием (мы отстали от своей части, возвращаемся с задания или из госпиталя после ранения и т. п.), но во фронтовых условиях были достаточно трудно проверяемы.

Многих агентов немцы оставляли на территории, которая должна была быть освобождена от оккупации, с таким расчетом, чтобы наши полевые военкоматы мобилизовали их и они попали бы в части действующей армии.

Мы, сотрудники органов «Смерш», сразу почувствовали изменения в формах и методах агентурной деятельности противника.

Факты разоблачения агентуры обобщались, в ориентировках доводились рекомендации по розыску и задержанию, указывались признаки подделки документов.

В частности, стало известно, что в фальшивых красноармейских книжках, которыми фашисты снабжали своих агентов, они используют скрепку из нержавеющей стали. Такая скрепка всегда была чистой, блестящей, по бокам смежных листов она не оставляла никаких следов ржавчины. В подлинных же красноармейских книжках скрепки изготавливались железными и всегда оставляли на страницах ржавые следы.

Противником был выпущен фальшивый орден Красной Звезды, где красноармеец был изображен не в сапогах, как на настоящем ордене, а в обмотках.

Знание названных и иных признаков подделки существенно помогало сотрудникам «Смерш» в розыске и задержании агентов гитлеровской разведки.

В целом же для разоблачения агентуры противника применялся обширный комплекс мер как в войсках Красной Армии, так и в стане противника. Мы вели активную зафронтовую работу, внедряли в немецкие разведорганы и разведшколы нашу агентуру, а нередко и самих сотрудников органов «Смерш».

Кроме указанных выше мероприятий, органы «Смерш» вели оперативную работу во всей фронтовой полосе. Здесь в основном упор делался на создание такого режима, который затруднял бы действия агентуры противника и других враждебных элементов и благоприятствовал бы их своевременному выявлению и задержанию. Для этого активно использовался личный состав заградотрядов, военно-полевых комендатур, дорожной службы, кабельно-шестовых рот, служб тыла и др.

На все командировочные предписания, в течение определенного периода, проставлялись зашифрованные малозаметные метки.

Активно использовались оперативно-разыскные группы с включением в них агентов-опознавателей, которые знали немецких агентов в лицо по совместному пребыванию с ними в разведшколах. Такие группы во главе с оперработником «Смерш» посещали железнодорожные станции, рынки, разъезжали по оживленным дорогам и другим местам, где были массовые скопления людей. В случае опознания кого-либо агентом-опознавателем тот делал условный знак, и мы задерживали подозреваемого. Задержание не всегда удавалось провести тихо и гладко, порой приходилось вступать с противником в вооруженную борьбу. Не следует забывать, что многие немецкие агенты относились к людям, которым при задержании нечего было терять.

Мероприятия с использованием агентов-опознавателей получили достаточно широкое распространение и позволяли задерживать большое количество шпионов и диверсантов.

Следует иметь в виду, что многие агенты немецких разведорганов не имели заданий проникнуть в войска, а действовали только в их окружении.

Из 126 немецких агентов, разоблаченных Особым отделом 5-й ударной армии за период с конца 1942 и до середины 1943 года, только 24 человека были разоблачены в войсках. Поэтому периодически во фронтовой полосе проводились меры по так называемой проческе территории в прифронтовой полосе с привлечением большого количества войск и сотрудников органов военной контрразведки. Результаты подобных прочесок можно проиллюстрировать несколькими яркими примерами: во время битвы под Москвой было задержано 200 немецких агентов и обезврежено 50 разведывательных групп; при проческе с 1 по 6 сентября 1944 года прифронтовой полосы 3-го Белорусского фронта было захвачено 20 шпионов, 116 бандитов и 163 вооруженных дезертира.

За линией фронта, в тылу у противника, действовало более 2000 оперативно-чекистских групп. Они вели активную разведку и сообщали в Москву важные сведения. За время войны от них поступило более 4000 важнейших сообщений, из которых 2500 были доложены лично И. Сталину. Эти сведения серьезно помогали в разработке и ведении наших боевых действий.

Важные разведданные были получены в результате допросов плененных фельдмаршала Паулюса, а также адъютантов Гитлера, Гиммлера, Гесса, Бормана. Важнейшие сведения докладывались Сталину.

Оперсостав особых отделов, а затем «Смерш» имел ориентировки о разыскиваемых агентах (установочные данные, приметы и т. д.). Были специальные книги розыска известных, но еще не разоблаченных агентов абвера. Сведения в эти книги включались по данным наших разведчиков, внедренных в разведорганы и разведшколы, и по показаниям уже разоблаченных агентов. Повторюсь, органы «Смерш» вели активную зафронтовую работу. Только в 1943 году в немецкие разведорганы и разведшколы было внедрено 52 наших человека.

В ходе войны и после нее среди немецких военнопленных было выявлено свыше 2000 официальных разведчиков, в том числе бывший начальник абвера-3 Бомлер, начальник абвера-1 Хансен, начальники абвергрупп, абверотделов и диверсионных школ. Это при том, что подавляющее число разведчиков, да и офицеров разгромленной Германии всеми силами стремилось сдаться в руки англо-американских союзников.

В борьбе с разведкой противника широко использовались радиоигры, основной задачей которых можно назвать дезинформацию врага о наших целях и намерениях. Чаще всего они велись с помощью задержанных и перевербованных агентов абвера, имевших рации и шифры для связи. Только в течение 1943–1945 годов в радиоиграх было использовано 157 перевербованных агентов.

В мае – июне 1943 года 10 радиостанций перевербованных агентов использовались для дезинформации противника о наших намерениях, движениях и позициях в районе Курской дуги. Дезинформация велась в детальном согласовании с Генштабом, под личным контролем И. Сталина.

В последние годы появились десятки «уточнений» и «разоблачений» всевозможных «историков и писателей», где вопреки здравому смыслу и исторической правде делаются попытки ревизовать итоги Курской битвы. Они ссылаются на «новые» данные архивов ФРГ, нескромность и самонадеянность советского командования. Данные же о победах и потерях, опубликованные в советских военно-исторических трудах, списывают на идеологическую неполноценность Советского государства. Свою точку зрения об идеологической неполноценности я уже высказал выше, а здесь еще раз подчеркиваю, что в канун Курской битвы наша разведка вчистую выиграла поединок с разведкой противника. Немцы были вынуждены наступать в невыгодных для себя условиях, в невыгодное время. Несмотря на качественное превосходство в своих танковых вооружениях (танк Т-V «Пантера» и тяжелый танк Т-VI «Тигр»), они понесли колоссальные потери и не смогли оправиться до конца.

При проведении радиоигры «Десант» летом 1944 года противник выбросил на территорию Брянской области 27 агентов-диверсантов, 110 мешков с оружием и взрывчаткой. Все это

было своевременно обезврежено. Всего же в ходе всех радиоигр за время Великой Отечественной войны удалось задержать около 4000 агентов, диверсантов и официальных сотрудников абвера.

Как уже говорилось выше, немецкие органы засылали к нам и агентов-террористов.

В 1943 году к нам был заброшен некий Таврин, который перед выброской более года индивидуально и тщательно подготавливался в разведшколе. Экипирован он был в форму майора Красной Армии, на груди имел звезду Героя Советского Союза, ордена Красного Знамени и Александра Невского.

Вооружен он был специальным пистолетом с глушителем, снаряженным пулями с быстродействующим ядом. Задание этот Таврин имел очень серьезное – совершить покушение на И. Сталина. Задержан он был сразу после его приземления в нашем тылу.

К сожалению, украинским националистами, находившимся на службе у абвера, удалось смертельно ранить командующего фронтом генерала Ватутина. Он был похоронен в центре Киева, там же ему установлен и памятник.

Также украинскими националистами был убит легендарный советский разведчик, Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов. Нынешние националисты разрушили его памятник во Львове, и прах Н.И. Кузнецова был перезахоронен на его малой родине, на Урале.

Широко известны героические действия Н.И. Кузнецова в тылу врага. Ему первому удалось узнать и сообщить в Центр о готовящемся покушении на руководителей антигитлеровской коалиции – И. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта во время Тегеранской встречи «Большой тройки» в 1943 году.

Эти сведения Н.И. Кузнецов получил от одного крупного гестаповца, задолжавшего Н.И. Кузнецову крупную сумму денег и обещавшего возместить долг дорогим меховым пальто. При этом он сообщил, что приобретет пальто в Тегеране, куда срочно выезжает по заданию Берлина для выполнения особо важного оперативного задания. Н. Кузнецов сразу понял, о каком важном задании идет речь.

Вообще украинские националисты, связанные до войны и во время войны с абвером, наносили большой вред нашей армии. В первые дни войны они перерезали проводные линии связи, чем лишали командование возможности управлять войсками. В населенных пунктах из подвалов и чердаков они вели огонь по нашим военнослужащим. В июне 1941 года националисты неоднократно обстреливали меня в г. Черновицы. Тогда, в преддверии начала войны, дело дошло до того, что они обстреляли само здание УНКВД по Черновицкой области. Впоследствии из них были созданы целые воинские формирования, вместе с немцами воевавшие против Советской Армии. После освобождения Украины они несколько лет убивали на местах хозяйственных, партийных и советских деятелей.

Возмутительно, когда нынешний глава Украины восхваляет украинских националистов и бандитов, уравнивает их в правах с ветеранами Великой Отечественной войны.

Подводя итоги борьбы «Смерш» с разведывательной деятельностью немцев, следует сказать, что во время войны нашими органами было задержаны, разоблачены и обезврежены десятки тысяч шпионов, диверсантов и террористов. Можно представить, какой колоссальный ущерб они могли бы нанести нашей действующей армии, не будь они вовремя разоблачены и арестованы. Благодаря успешной деятельности контрразведки во время Великой Отечественной войны противнику не удавалось заранее узнавать об оперативных планах и замыслах советского военного командования. Мы же выводывали стратегические секреты большой важности.

Так, в июне 1943 года контрразведка своевременно получила данные сразу от трех источников о готовящемся крупном наступлении немецких войск на Курском направлении. Советское командование предприняло необходимые меры, противник понес существенные потери, а его боевые порядки были расстроены еще до начала наступления.

Неслучайно бывший начальник Центрального разведывательного управления (ЦРУ) Аллен Даллес в своей книге «Искусство разведки» справедливо утверждал: «Информация, которую добывали советские разведчики во время Второй мировой войны, содействовала военным успехам Советов и представляла собой такого рода материал, который является пределом мечтаний для разведки любой страны».

Во время войны помимо агентуры противника большую опасность представляли изменники Родины, которые бежали из своей части и сознательно переходили линию фронта на сторону врага.

Там, стараясь выслужиться перед немцами, они выдавали все, что знали о военных делах. Фактически они становились теми же шпионами. Некоторые изменники делали это из враждебных побуждений, будучи в чем-то обиженными на советскую власть, другие из трусости, желая отсидеться в тылу и не быть убитыми. Однако просто так отсидеться немцы изменникам не давали: за все надо было платить. Из числа изменников немцы подбирали кандидатов для направления в разведшколы, другие направлялись во власовскую армию РОА.

Поэтому измена Родине для нас была особо опасной формой преступления в боевых условиях, и органы «Смерш» вели в этом направлении беспощадную борьбу.

К сожалению, случаев измены Родине и предательства, особенно в начальный период, когда мы вынуждены были отступать под натиском врага, было не так уж мало. На сторону немцев переходили не только одиночки, но и целые группы. Были даже такие случаи, когда изменники, сговорившись, убивали своего командира и переходили на сторону немцев. Немало случаев предательства было во время нахождения в боевом охранении, в период выхода наших разведгрупп в тыл противника.

Чтобы побуждать наших людей к измене, немцы осуществляли радиопередачи на переднем крае, используя усилители большой мощности. Часто передачу вел бежавший перед этим изменник, обращавшийся к своим бывшим товарищам по имени и фамилии. Как правило, он говорил, что немцы к пленным относятся хорошо, что дают отличное питание и шнапс, что кругом у них образцовая чистота и нередко к пленным приезжают девочки.

Нередко немцы разбрасывали на переднем крае с самолетов антисоветские листовки с посредственными карикатурами, стихами и призывом сдаваться в плен. Почти всегда указывалось, что листовка является своего рода пропуском для перехода линии фронта. Органы «Смерш», как правило, обнаруживали хранение таких листовок у некоторых военнослужащих, и тогда они становились подозреваемыми в возможном переходе к немцам. Впоследствии враг учел это и стал разбрасывать листовки, внешне оформленные как партбилет: с красной обложкой, буквами ВКП(б) и т. д. Если у кого в руках и была такая листовка, можно было думать, что имеешь дело с членом партии, а не с возможным перебежчиком.

Органы «Смерш» всегда вели беспощадную борьбу с изменниками Родины.

По перебежчикам на переднем крае открывался огонь безо всякого предупреждения, некоторые лица подвергались аресту, с другими проводили профилактические беседы.

Командующий 5-й ударной армией генерал-полковник Н.Э. Берзарин во время нашего пребывания в Польше поставил передо мной задачу не допустить ни одного случая измены при подготовке войск к наступлению на Варшавско-Берлинском направлении. В декабре 1944-го – первой половине января 1945 года я находился в боевых частях армии и организовывал работу по недопущению измены. В результате нашей работы ни одного случая измены на участке 5-й ударной армии допущено не было. Не была сорвана внезапность нашего наступления на немцев, в чем я вижу вклад сотрудников «Смерш» в достижение боевого успеха на названном направлении.

За эту конкретную работу по борьбе с изменой Родине, а также за разоблачение целого ряда немецких агентов Н.Э. Берзарин наградил меня орденом Красного Знамени. Причем он

лично приехал в отдел, вручил орден, поздравил, расцеловал и, выпив 100 грамм водки, отправился по своим делам.

Должен заметить, что только за один год Н.Э. Берзарин наградил меня четырьмя боевыми орденами.

Возражая нынешним клеветникам, обливающим грязью органы «Смерш», обвиняющим их в том, что смершевы сидели по тылам и пьянствовали, замечу, что тогда вряд ли такой генерал, как Н. Берзарин, награждал бы офицеров «Смерш».

Много времени у работников «Смерш» отнимала борьба с дезертирством и членовредительством. И то и другое было в действующей армии. Гораздо больше этих неприятных и вредных проявлений было в начальный период войны. Дезертиры были опасны тем, что своим бегством оказывали отрицательное влияние на личный состав, подрывали воинскую дисциплину. К тому же после дезертирства они нередко организовывали по существу бандитские группы и терроризировали местное население.

Членовредители наносили себе легкое ранение с расчетом пробыть в госпитале дней 10–14, а может быть, и больше. Некоторые членовредители использовали так называемый метод голосования. Они поднимали над окопом руку и дожидались попадания пули, другие стреляли себе в руку через флягу с водой или мокрое полотенце, чтобы не было следов от пороховых газов. Обычно они объясняли, что получили ранение во время боя. Но при допросе путались в показаниях, не учитывали, где находится или как расположено входное и выходное отверстие пули. Членовредителей предавали суду Военного трибунала.

Вспоминается такой случай. Перед атакой один из бойцов заявил сержанту, что он немедленно сбежит к немцам, если тот не прострелит ему руку со сравнительно большого расстояния. Сержант согласился стрелять, но выстрелил ему не в руку, а в голову, и тот был убит. После этого сержант явился к командованию и заявил о случившемся. По-моему, под трибунал его не отдали, считая, что с учетом сложившейся обстановки он поступил правильно.

Следует отметить, что работа органов «Смерш» не ограничивалась только теми направлениями, которые изложены выше. Она, эта работа, была многосторонней и разнообразной.

Приходилось вникать в тонкие оперативные вопросы, постоянно вести работу по сохранению скрытого управления войсками (СУВ), по недопущению утечек секретов по любым каналам, по укреплению воинской дисциплины и т. д.

Органы «Смерш» всех уровней систематически предоставляли информацию командованию о результатах своей работы, о задержаниях шпионов, о борьбе с изменой Родине, о нарушениях СУВ, военной дисциплины...

Что касается таких органов «Смерш», как армейское и фронтовое звено, то они постоянно предоставляли информацию Военным советам армий и фронтов, вносили конкретные предложения по укреплению боевой готовности войск и дисциплины. Члены Военных советов всегда с максимальным вниманием относились к такой информации и принимали необходимые практические меры.

Таким образом, заключая, следует подчеркнуть, что органы «Смерш» были подлинно боевыми органами, всегда находились в гуще фронтовых событий и были их активными участниками.

Своей отвагой, мужеством, принципиальностью работники «Смерш» завоевали огромный авторитет и уважение у командования и личного состава войск. Свою работу контрразведчики строили при полной поддержке армии.

В годы Великой Отечественной войны были задержаны или убиты десятки тысяч подготовленных неприятельских агентов и диверсантов, предотвращены тысячи диверсий и измен. В том, что на территории страны не было допущено ни одной крупной диверсионной или террористической акции, есть результат труда сотрудников «Смерш».

Офицеры ВКР всегда находились в войсках, вместе с личным составом были на переднем крае, ходили в атаки и держали оборону. Нередко в случае гибели командира они возглавляли части и подразделения. В ходе боевых операций контрразведка несла большие и невосполнимые потери. За годы войны 7000 сотрудников «Смерш» было убито, 3000 ранено и 4000 пропало без вести. И это при том, что по штатам органам «Смерш» полагалось, в общем-то, скромное число оперработников.

Так, в отделе контрразведки «Смерш» нашей дивизии работал всего 21 человек, включая следователя, коменданта и секретаря-шифровальщика. Кроме того, надо иметь в виду, что все оперработники хотя и составляли общий отдел, но были разбросаны по частям, почти не имели личных встреч с руководством отдела, не вели никакой документации, не проводили совещаний, т. е. были лишены всех тех организующих мер, что присутствуют в мирное время. Конечно, это создавало дополнительные трудности, и оттого тем ценнее вклад контрразведчиков.

...В Москве, на территории расположения Управления особых отделов по Московскому военному округу, находится замечательный памятник в честь погибших офицеров «Смерш». Там же имеется комната боевой славы с наличием большого количества документальных материалов и фотографий, раскрывающих героический и тяжелый труд смершевцев в годы Великой Отечественной войны. Тысячи офицеров «Смерш» были неоднократно награждены боевыми орденами и медалями Советского Союза, а четверым военным контрразведчикам за беспримерный героизм и мужество было присвоено звание Героя Советского Союза.

Подводя итоги сказанному о деятельности военной контрразведки в период Великой Отечественной войны, можно с уверенностью утверждать, что нынешнему поколению военных контрразведчиков есть с кого брать пример.

Заканчивая обзор деятельности «Смерш», хотел бы перейти к изложению небольшой биографической справки о себе и своей службе в военной контрразведке «Смерш» в годы Великой Отечественной войны и, кратко, в послевоенный период.

Тамбовские корни

Я родился при форс-мажорных обстоятельствах, во время налета банды атамана Антонова на село Чернавка в Тамбовской губернии 18 августа 1918 года. Мать моя, заслышав крики и выстрелы, поспешила с поля домой, но не дошла – я помешал ей своим появлением на свет прямо во дворе отцовского дома.

Село Чернавка – одно из крупнейших сел Тамбовской губернии, живописно раскинулось на левом берегу чистой реки Вороны, по мнению некоторых знатоков, несущую в Хопер лучшую воду Европы. По бытующему в этих заповедных местах преданию жил здесь некогда небогатый помещик, которому Бог послал трех дочерей. Дочери были ладные на загляденье, и назвал он их Красивка, Хорошевка, а младшей, самой очаровательной, по иронии судьбы дали имя Чернавка. Пришло время, дочери повыходили замуж и расселились по хуторам. Были у них дружные большие семьи. Потомки дочерей исправно плодились и размножались, приходили сюда и новые люди. Так появились на тамбовщине еще три села – Красивка, Хорошевка и Чернавка.

Спокойная умиротворяющая прелесть реки Вороны не осталась незамеченной людьми: на ее берегах немало усадеб семейств, известных в русской истории: Нарышкиных, Горчаковых, Чичериных, Державиных...

Москва, август 1937 года. Братья Ивановы. Слева – Леонид, Александр в центре, справа – Иван (погиб подо Ржевом).

Родители мои жили бедно, находя приют в убогой крестьянской избе, крытой соломой. Я был младшим, шестым ребенком в семье. У меня было три брата и две сестры. Родители мои работали на земле денно и нощно, но «оскудевшие» (по официальной терминологии того времени) тамбовские земли давали очень небольшой урожай. С детских лет я старался помогать им, и первое, что мне удалось освоить и что запомнилось, была молотба цепом. Цеп был велик, тяжел, непослушен и подчинился мне не сразу, а лишь после того, как несколько раз огрел меня по спине, плечам и голове. Но нужда – лучший советчик. Мало-помалу научился я молотить, а заодно и просеивать обмолоченное зерно, лопатой подбрасывая его на ветерке в воздух.

Довелось мне видеть своего деда Андрея, отца матери – рыжего горбоносого богатыря, стриженного под скобку. Ходил дед в огромном коричневатом армяке, опоясанный кожаным поясом, жил в селе Ивановка...

Мать рассказывала, что как-то по зимнику он поехал молотить зерно. Зимник был узок – в одну колею: недавно прошли снегопады. Навстречу деду встретилось несколько саней с мукой, и мужики не больно-то ласково попросили у деда дорогу. Дед разозлился и одни за другими перевернул все встречные сани вместе с лошадьми, а сам поехал к мельнице:

– Знай наших!

Когда мне было лет пять-шесть, вся семья перебралась в Инжавино – районный центр, где жила поначалу в небольшом барском доме вместе с десятком других семей, занимая «роскошную» четырнадцатиметровую кухню с русской печью. Я с братом Александром спал на печи, сестры укладывались на полу, два брата на полотах, родители на кровати.

Уклад жизни оставался прежним – крестьянским, да и само Инжавино фактически было большим селом. Таким оно осталось и сегодня, хотя получило статус поселка городского типа.

Отец мой, Георгий Федорович, с утра до вечера был занят хозяйством и, имея три класса образования в церковно-приходской школе, слыл грамотеем. В последние годы жизни он даже работал на должности бухгалтера в одной из артелей. Родом он был из деревни Семеновка. Смутно помню его мать – свою бабушку...

Дом наш, все немудреное хозяйство целиком держались на матери. Мама, Александра Андреевна, была высокая, энергичная женщина, красивая в молодости, активная в жизни, но не получившая не то что образования, но даже азов грамотности. Трудлюбивая, упорная, с яркой речью, она была примером для всех нас и в детстве, и позднее.

– Эх! Мне бы грамотенки чуть-чуть... Я б горы свернула, – иной раз в задоре говорила она.

– Будешь большим, сынок, никогда не зарься на чужое добро, лучше отдай свое. Будь всегда честным и порядочным. Этот наказ матери я старался выполнять в течение всей своей жизни.

Сегодня, оглядываясь на прожитую жизнь, думаю, что своим желанием учиться, своим учебным усердием я прежде всего обязан матери – Александре Андреевне.

Меня с самого начала увлекла учеба. С учетом сложных семейных обстоятельств – беспросветной бедности – только в высокой грамотности я видел свое спасение. Учеба захватила меня настолько, что и тогда, в детские годы, и позднее, в разных учебных заведениях, я старался быть только отличником. Никаких наград тогда не было. Да я их и не ждал. Учеба была для меня и стимулирующим, и успокаивающим, и развлекающим началом.

Учиться было голодно, но советская власть нашла уже тогда, в тридцатые годы, возможность давать детям чечевичный суп и сладкий чай бесплатно. Помню свои мысли того времени, которые можно озвучить, наверное, так: «Пусть я беден, пусть нет у меня нарядной рубахи и аппетитного куска хлеба, пусть худы мои ботинки и ветхо пальтецо из старой шинели, которое я донашиваю уже третьим, но учебой своей я докажу, что не хуже своих богатых товарищей». В таких, отнюдь не «вертеровских», размышлениях находил я тогда опору.

В школе того времени царили порядок и дисциплина – работал учком, не упускал из вида отстающих, закрепляя за ними хорошо успевающих. Был оборудован спортивный уголок – перекладина, брусья, кольца, городошные дорожки, волейбольная площадка.

При школе работал драмкружок, многие из моих товарищей, да и я, серьезно увлеклись театральной самодеятельностью. На всю жизнь запомнилась постановка гоголевского «Ревизора», где мне была доверена роль незабвенного почтмейстера – Ивана Кузьмича Шпекина. Спектакль прошел несколько раз, всегда при переполненных залах. Актеры не жалели себя, зрители не жалели своих ладоней.

В 10-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции я впервые увидел конфеты – в подарке, который получили все ученики нашей школы.

Мама моя всегда подчеркивала свое исключительное отношение к учителям и всячески поддерживала меня и других детей в учебе. Она, как никто другой в моей жизни, могла образно подчеркнуть необходимость настойчивой прилежной учебы.

Когда мне было лет десять, родители купили в Инжавино у монашек крошечный домик, окруженный клочком старого, одичавшего сада.

Мои родные места очень сходны с теми, что описал великий русский писатель И.С. Тургенев в своих гениальных «Записках охотника» – в «Малиновой воде», «Бежином луге», «Лебедяни»...

Свободного времени у нас тогда почти не было, а когда случалось – с удовольствием играли в лапту, чижа, ловили «на круги» раков. Эта затея было равно и полезной, и приятной. Помню, как с замиранием сердца доставал я «из кружка» зеленых, а то и коричневатых раков... Где три, где пять, а где и семь штук! Тут же, на берегу, раки готовились – с солью да с укропом.

Много лет спустя, на одном из приемов за границей, мне довелось попробовать знаменитый раковый суп – гордость поваров и мечту гурманов. Он напомнил мне тот, что пробовали мы в детстве, но тот с раками из Вороны был не в пример вкуснее. По крайней мере так отложилось в моей памяти.

В окрестностях Инжавина, помню, было много грибов, но то ли из распространенных здесь предрассудков, то ли из самосохранения мы грибы не брали.

В семье, кроме меня, было три брата – Андрей, Иван, Александр и две сестры – Нюра и Рая. Все мы получили образование.

Из братьев особенно выделялся Иван – толковый, ловкий, оборотистый. Он окончил химический институт в Свердловске, позднее работал в Кемерове мастером, начальником цеха. Его отмечали на работе, ценили. Вскоре после начала войны он ушел на фронт и в 1942-м погиб подо Ржевом.

В знаменитом стихе Твардовского мне всегда представлялся мой брат:

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете...

Уверен, останься брат жив – был бы он крупным специалистом, вкладывал бы свои немалые силы и талант в развитие химических производств. Но... война выбирает лучших. Иван-то и привез меня в Москву в далеком 1937 году с 13 рублями собственных денег.

На всю жизнь я запомнил напутствие, с каким провожала в Москву меня мать, прикладывая платок к глазам:

– Самое главное – будь честным. Не возьми чужого, не укради. Учись прилежно...

Годы учебы в Москве

Товарищ моего брата Ивана (к сожалению, не помню его имени), вместе с нами оказавшийся в Москве, настойчиво предлагал мне поступать в Академию связи.

– Дело новое и нужное. Без связи никуда, а специалистов мало. Ты во как будешь нужен, – он ребром ладони энергично провел по горлу.

То ли меня проняли его слова, то ли я убедился в крайней востребованности связи, то ли меня убедил его жест, но я пришел в Академию связи имени В.Н. Подбельского, бывшего первым комиссаром, а затем наркомом почт и телеграфов советской республики.

Вадим Николаевич Подбельский вел партийную работу в Тамбове еще до революции, а в 1919-м был назначен особоуполномоченным ЦК РКП(б) и ВЦИК на Тамбовском участке Южного фронта. Прожил этот яркий революционер и борец до обидного мало – только 32 года, но оставил яркий след в истории своей страны. Наверное, и тамбовские корни этого исключительного человека оказали влияние на мой выбор.

Академия связи располагалась тогда на шоссе Энтузиастов, в доме 109а, неподалеку от завода «Компрессор». Как окончившего школу с отличием, меня приняли в Академию без экзаменов, дали бесплатное место в общежитии и стипендию – 150 рублей. Этих денег хватало на скромное, порой полуголодное, но в целом безбедное существование.

Обед из трех блюд стоил в столовой чуть больше рубля, а вот на завтрак и ужин денег почти не хватало. Но я быстро решил этот вопрос, купив сахарного песка, хлеба и аккуратно используя привезенное из дому варенье. Благо кипятка всегда хватало на всех студентов. Его потребление намного возрастало, когда кончалось варенье, и в целом жизнь была прекрасна.

Я был поражен щедростью государства и дал себе слово оправдать доверие. С рвением и усердием я набросился на выданные учебники и, наверное, раздражал некоторых преподавателей своим стремлением «познать суть вещей».

Москва, октябрь 1938 года. Л.Г. Иванов – студент 2-го курса Академии связи

Электросвязь, радиосвязь, проводные и радиосредства были мне интересны, но ощущался недостаток знаний по физике, математике, некоторым прикладным дисциплинам, Я старался ничего не упустить и помимо заданных программ усиленно занимался самообразованием. Мое корпение не было напрасно, и, разобравшись в теме, я легко решал ставившиеся задачи, представлял некоторые перспективы.

Особенно интересными тогда мне казались занятия с телеграфом, радиотелеграфом, телефоном. Точной и изящной казалась сигнальная связь – ракеты и флажки, фонари и сирены. Полученные в академии знания не раз пригождались мне в оперативной работе, особенно при техническом анализе перехватов и в отдельных элементах всевозможных «радиоигр».

По-моему, до 1938 года Академия связи, собственно, и была академией – одним из военно-учебных заведений, созданных советской властью для подготовки командных, инженерных и специальных кадров. Позднее военно-учебным был оставлен только один факультет, выпускники которого вливались в состав Вооруженных сил, а академия, разделившись, стала Московским институтом связи и Военной академией связи в Ленинграде.

На всю жизнь запомнились подготовка и участие в ноябрьском параде 1937 года на Красной площади, где мне выпал нелегкий жребий правофлангового. Нелегкий и ввиду особых требований к строевой подготовке, и ввиду вмененной необходимости смотреть прямо, когда очень хотелось скосить вправо, разглядеть стоявших на трибуне Мавзолея первых лиц государства.

Подготовка велась весело, с энтузиазмом, как вообще протекают общественные мероприятия с участием лиц около двадцати лет от роду.

Помню, приезжал к нам с инспекцией легендарный С.М. Буденный, одобрял подготовку, запросто разговаривал с участниками, шутил.

Хотя мне и позже довелось участвовать в парадах, но уже не проходить по Красной площади в колонне, а возглавлять опергруппу 3-го Управления Особых отделов по обеспечению безопасности войск, принимавших участие в параде. Но тот, первый свой парад я запомнил на всю жизнь. Прошли мы хорошо, и нас потом хвалили, а еще радовало, что, нисколько не повернув в сторону голову, мне удалось разглядеть на трибуне и И. Сталина, и В. Молотова, и других. Запомнились сталинские усы с сединой и, почему-то, кожаные перчатки на руках В. Молотова. Возможно, потому, что тогда они казались мне вещью редкой, необычной.

Инжавино, январь 1940 года. Я, курсант школы НКВД, с отцом – Георгием Федоровичем Ивановым

В 1938 году я был членом участковой избирательной комиссии по выборам депутатов в Верховный Совет РСФСР.

Наверное, я был на примете у руководства академии. В январе 1939 года я был приглашен на беседу к оперработнику НКВД, который предложил мне перейти на работу в органы. Я первоначально отказывался, ссылаясь на то, что вначале мне надо получить высшее образование. При этом мне казалось, что я привел неотразимый довод, сославшись на И. Сталина, который заявил, что кадры должны быть образованными. Но парень из НКВД был неуступчив и нажимал на то, что я комсомолец и должен понимать обстоятельства. К тому времени наркомвнудел Н. Ежов был снят со своего поста и вместо него назначен Л. Берия.

При нем появилось секретное постановление ЦК ВКП(б) за подписью И. Сталина о том, что в стране происходили незаконные массовые аресты. Арестовывали подчас невинных людей, применяя незаконные методы ведения следствия. Предлагалось безвинных людей освободить, виновных оперработников привлечь к ответственности. Именно тогда были освобождены Рокоссовский, Мерецков, Горбатов, Берзарин и многие другие крупные военачальники.

В названном постановлении предлагалось «освежить» оперсостав, набрав в органы молодых людей из ВУЗов. На Москву была разнарядка – направить в школы НКВД на обучение 100 человек. В их число попал и я.

Учились мы в школе НКВД в Сиротском переулке. Здание было хорошее, теплое и обустроенное, порядок царил образцовый, занятия разнообразные и серьезные, питание отличное... Кроме того, каждый курсант получал стипендию 450 рублей. Это было выше средней зарплаты.

До сих пор помню наши построения и проходы маршем по Москве. Здоровые серьезные парни в хорошо подогнанной форме. Девчонки ждали выхода нашей колонны и бежали следом.

Я единственный окончил школу с отличием, и приказом Л. Берии мне было присвоено звание на ступень выше, чем остальным. Я получил три кубика в петлицу, а не два, как остальные, и стал младшим лейтенантом госбезопасности, что соответствовало званию старшего лейтенанта в войсках.

После окончания школы мне было предложено остаться в Москве для работы в управлении НКВД города Москвы и Московской области. Но я категорически отказался, т. к. хотел окунуться в настоящую боевую работу.

Как раз тогда проводились освободительные походы на Западную Украину, в Белоруссию и Молдавию.

Поэтому с группой оперативных работников я был направлен в распоряжение НКВД УССР, а оттуда в Северную Буковину, куда мы прибыли фактически вместе с войсками.

На Западной Украине

Город Черновицы (так он назывался до 1944 года, позднее стал называться Черновцами) поразил нас своей необычностью, изысканной архитектурой, другим укладом жизни. Вскоре мы пригляделись, освоились и вошли в нужный рабочий режим.

Хозяйство здешних мест, более полутора столетий входивших в состав Австрии, а затем Австро-Венгрии, было почти исключительно аграрным и, несмотря на привлекательность здешней природы, богатство и неповторимость флоры и фауны, умеренно континентальный, не резкий климат, оставалось крайне отсталым.

Австрийские помещики в свое время садили и метили здесь делянки с ценными деревьями, чаще буком или грабом, присылали управляющего и, грозя местным крестьянам жестокими карами за рубку и потраву, растили лес. Таково было происхождение многих знаменитых прикарпатских лесов. Крестьянам оставалось работать на неудобьях, там же пасти скот, бортничать...

Из населения здесь, помимо украинцев, было большое количество евреев, румын и молдаван, меньше поляков и немцев. Среди украинского населения большое распространение приобрел искусственно и настойчиво привносимый антирусский национализм.

Западный край Руси, Галицкая Русь с раннего Средневековья была на переднем крае борьбы с немецкой, венгерской и османской экспансией. Князь Даниил Галицкий был и остается национальным героем русского народа. Имени его сына Льва обязан своим названием крупнейший город Западной Украины – Львов.

Оуновская идеология внедрялась последовательно и жестоко. Главными ее опорами были безграмотность и забитость народа. Идеология эта звала фактически к изоляции от других народов, особенно соседних, братских. При этом русские становились «кацапами», украинцы, не разделявшие взглядов оуновцев, – «ехидниками», поляки – «ляхами»...

В малообразованной, местечковой среде национализм расцветал особенно махровым цветом. Сюда почти не доходили книги, ненависть к строю, где нельзя было нажиться, считалась не только хорошим тоном, но и требовалась официально. Керивники (оуновские руководители) и полуграмотные униатские попы рядились в одежды всезнающих учителей и непогрешимых судей.

Это отребье нашло хорошее взаимопонимание с гитлеровским режимом, а особенно с германской разведкой – абвером. Замечу, что впоследствии выбитые с Украины гитлеровцы оставили бандеровской УПА (Украинской повстанческой армии) до ста тысяч единиц стрелкового оружия и сотни артиллерийских систем. Около десяти лет после войны здесь продолжалось вооруженное противостояние советской власти и повязанных кровью патриотов «бандеровцев». Противостояние, стоившее сотен и тысяч жизней. Эти отщепенцы живы и сегодня. Пользуясь мутной водой в постсоветской Украине, они повылезали из «схронов» и требуют льгот. Нынешний президент пошел у них на поводу.

Надо ли говорить, что в преддверии войны Германия прикладывала все усилия, чтобы оживить украинский национализм. Обучала молодежь, засылала агентов, вела идеологическую поддержку, помогала деньгами (в том числе фальшивыми, но очень высокого качества), оружием, всевозможными техническими средствами.

В такой сложной, в полном смысле слова боевой обстановке пришлось нам работать накануне войны. В Черновицах, куда я прибыл после окончания школы НКВД, организовывать работу пришлось буквально с нуля. Не было ни кадров, ни агентов, ни даже помещения. Это может показаться смешным, но на первом этапе своей работы мы в качестве конторы или, как сказали бы сегодня, «офиса» использовали помещения черновицкой тюрьмы. Там же, в камерах, в первые недели и спали.

Январь 1940 года. Город Черновицы. Л.Г. Иванов – зам. начальника секретно-политического отделения (СПО) УНКВД по Черновицкой области

В первое время в УНКВД по Черновицкой области я был назначен помощником оперуполномоченного, а через два месяца уже старшим оперуполномоченным. В конце 1940 года я был вновь назначен с повышением – заместителем начальника отделения СПО (секретно-поли-

тический отдел). Отделение это имело в своем составе более 10 человек, и все были старше меня по возрасту.

На отделение были возложены задачи борьбы с еврейскими и украинскими националистами. Работа была боевая, активная. Мы вскрывали сионистские организации, которые вели антисоветскую пропаганду, и главным образом боролись с организацией украинских националистов.

Организация украинских националистов, сокращенно ОУН, встретила нас во всеоружии: активное подполье, подготовленные в Германии агенты и местные жители, согласившиеся сотрудничать с абвером. В большинстве своем эти люди были хорошо вооружены, имели надежную радиосвязь, наработанные и проверенные схемы подрывной и шпионской деятельности, практически неограниченные материальные средства, шедшие к ним с Запада.

Мы же, помимо объективных трудностей первых дней, начала работы на новом, незнакомом и, в некоторой степени, враждебном месте, были связаны известными политическими ограничениями, вытекавшими из договора о «дружбе», подписанного с нацистской Германией.

В первые дни войны оуновцы наносили большой ущерб тем, что перерезали линии связи, тем самым лишая командование Красной Армии возможностей управления войсками. В населенных пунктах из подвалов и чердаков они вели огонь по красноармейцам и советским офицерам. Лично меня в июне 1941 года, как я уже указывал выше, тоже неоднократно обстреливали из стрелкового и автоматического оружия.

Уже после пограничных боев, когда по приказу я вернулся в Черновицы, на шестой-седьмой день после начала войны, к нам поступили данные о том, что в одном из домов на окраине Черновцов скрывается активный член ОУНа, связанный с абвером. Мне было поручено возглавить опергруппу из трех человек и задержать его.

На рассвете на грузовой машине мы выехали для проведения этой операции. Оставив машину метров за триста от дома подозреваемого (чтобы шум мотора не спугнул оуновца), мы осторожно, стараясь быть незаметными, подошли к одиноко стоявшему деревянному дому. Двух сотрудников я направил за дом, на огороды (для перехвата – на случай побега оуновца в этом направлении). Сам пытался войти через главную дверь, которую никто не спешил открыть. В это время я услышал крики двоих моих товарищей:

– Стой! Стой! Стрелять будем!

Я мигом выскочил за дом и увидел метрах в тридцати человека, бежавшего в сторону города. Крикнул товарищам, что нельзя дать ему уйти, и, выхватив маузер, сделал в сторону бежавшего несколько выстрелов. На звуки наших выстрелов из домов стали выбегать местные жители. Тут оуновец решительно развернулся в нашу сторону, выхватил оружие и открыл огонь. Первым же выстрелом он ранил в руку нашего офицера Устименко. Это внесло в наши действия некоторое смятение. Пока я подбежал к раненому и дал команду идти к машине, оуновец миновал нашу цепь и стремительно помчался к лесу. Мы побежали за ним, стреляя на ходу, но, к сожалению, все мимо. Слышу, наш оперработник Мневек кричит мне:

– У меня есть граната! Бросать?

– Конечно, бросай! – крикнул ему я. Гранату эту мы называли, помнится, «мильса».

Мневек сорвал чеку и швырнул гранату вслед бежавшему. Мы по неопытности при броске даже не залегли, а бежали дальше, вперед. Грянул взрыв, мимо со свистом пронеслись осколки, по счастью, никого из нас не задев. Оуновцу повезло меньше. После взрыва он упал и, раненный, стал вести по нам огонь из пистолета. Я велел своим товарищам залечь и вести огонь на поражение.

У меня тогда был маузер. Я выстрелил и увидел, как возле лежавшего взметнулось облачко пыли от моей пули. Выстрелил еще раз, видимо, удачно. Оуновец замолк. Мы, торопясь, подбежали к нему: пуля попала ему в грудь, пистолет лежал рядом, рот раскрыт, глаза закатаны, язык высунут, тело бьет озноб – предсмертная агония была короткой.

Я спросил у Колесникова:

– Откуда он выбежал?

Тот отвечал, что из большого сарая, что стоит рядом с домом. Бегом мы вернулись к сараю, быстро осмотрели все помещения и на чердаке, на сеновале, обнаружили высокого дрожащего молодого человека. Обыскали его, но оружия не нашли. Отыскали его позднее в сене, так же как и боеприпасы, и немецкую радиостанцию «Телефункен».

Спросили у юноши, кто он такой. Отвечает, заикаясь: студент Черновицкого университета, здесь готовится к экзаменам. Все его слова оказались ложью. Убитый нами оуновец был агентом немецкой разведки, а задержанный «студент» – его связником.

В годы войны мне не раз доводилось встречаться с украинскими националистами и вести с ними беспощадную войну. Как я писал выше, именно украинские националисты ранили командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина. Ватутин похоронен в центре Киева, и установленный в честь него памятник уцелел, несмотря ни на какие «оранжевые революции».

Украинские националисты были и остаются непримиримым и жестоким противником, но, лишённые поддержки народа, они могут существовать и вести борьбу лишь при активной поддержке хозяев – австрийцев, немцев, а сегодня главным образом американцев.

В связи с активным продвижением противника в глубь нашей территории личный состав УНКВД по Черновицкой области был эвакуирован в тыл страны. Это было где-то 30 июня 1941 года. А до этого мне пришлось побывать на границе для выполнения оперативного задания. Там я встретил войну и впервые вступил в бой с врагом.

Вставай, страна огромная

21 июня в субботу на перекладных я покинул Черновицы, выехав в направлении государственной границы. Надо было нелегально переправить своего агента на сопредельную территорию, для чего требовалось ознакомиться с заставой, с оперативным положением на границе, обсудить и продумать детали задуманной переброски. Эту заставу, как и несколько других, я знал и раньше, отношения с командованием были у меня дружеские, но была необходимость оценить некоторые детали, одним словом, провести рекогносцировку.

Помню детали той поездки, словно это было вчера. Погода в те дни была прекрасная, галицийские виды – великолепны. Остановив три или четыре машины, я доехал, где за деньги, где так, почти до заставы. Последние 5 – 6 километров с удовольствием прошел пешком. Регулярные тисовые и буковые рощи, заведенные под надзором австрийских хозяев, были полны благоуханья и мягкой прохлады, лесные дорожки расчищены и безлюдны. Редкая косуля или птица нарушали благородную тишину леса.

Вскоре я был на территории заставы. Командир был на месте. Мы тепло приветствовали друг друга. К сожалению, прошедшие с тех пор 65 лет не сохранили в памяти имени этого мужественного, ответственного и толкового человека. Вместе с ним мы проехали часть границы, охраняемой заставой, убедились в бдительности патрулей, в относительной подготовленности рубежа. Остановившись у заводи бурного горного ручья, я кивнул на величественные склоны, заросшие лесом:

– У тебя здесь и служба, и курорт. Красота и тишина.

Грустно улыбнувшись, командир внимательно посмотрел на меня:

– Тишина эта ненадолго, понимаешь сам. А красота, даст Бог, останется.

Вечером мы засиделись с ним, обсуждая детали грядущей переброски, легли спать за полночь. А ночью, часа в три, меня разбудил дежурный:

– Вставайте, товарищ старший лейтенант... Нарушители!

Быстро одевшись и выйдя из домика, я услышал звуки далекой стрельбы, частой и одиночной. Несколько резких выстрелов прозвучали совсем рядом.

Заметив знакомого мне офицера-пограничника, я поспешил к нему. Пограничник, бывший начальником отделения, шел к своим бойцам, оборонявшим северный участок заставы. Его участок представлял собой продуманную и оборудованную систему обороны, включавшую несколько господствующих над местностью, связанных ходами дзотов, остроумно выполненных «схронов», использующих складки местности, крупные деревья и камни, целую серию «секретов», сигнализирующих о появлении нарушителей на тех или иных направлениях, ямы-ловушки, съемные «переходы».

Мы пробрались с офицером к одному из дзотов, где нашли еще двух бойцов, ведущих огонь из винтовок. Дзот был расположен на склоне горы так, что нарушители, пересекавшие противоположный хребет, даже в относительно безлунные ночи возникали перед стрелками

как на экране. Бойница же дзота находилась у комлей высоких деревьев – по-моему, это были ели – и маскировалась в тени их широких лап.

– Не менее десяти человек сумели пересечь хребет, – взволнованно-виноватым голосом сообщил боец командиру.

– Ничего, Петров, ничего. Там сейчас темно, как у негра... А мы к утру перейдем на «эмку» и оттуда гостей попросим назад.

– Что, война, товарищ командир? – напряженно вглядываясь в светлеющую над хребтом полосу неба, хриплым шепотом спросил второй боец.

– Не доложили мне того, видать, не успели, – усмехнулся командир. – А тебе-то что? Сюда буржуи отдыхать ездили, воздух чистый... Владения наши ты сам знаешь, хватило бы патронов. Мы с тобой тут любую войну отвоюем!

Я передвинулся к бойнице. Встречный ветер обдул лицо душистой прохладой, и в то же мгновение метрах в восьмидесяти, я увидел людей, появлявшихся на вершине хребта. Звонко ударил рядом выстрел, второй, третий. В нос ударил острый запах пороховых газов. Винтовка сама собой оказалась в руках. Я быстро нашел цель и спустил курок.

Отношение к оружию в те годы было у меня пиететное. Внимательно изучив доступные мне книги и инструкции, я подолгу задерживался у соответствующих стендов в музеях. С удовольствием и регулярно в годы учебы я посещал стрелковые тренировки, научился неплохо стрелять – и из пистолета, и из винтовки. Умение это сохранилось у меня на долгие годы.

Тогда я был вооружен новой по тем временам автоматической винтовкой Симонова – АВС-36, образца 1936 года. Винтовка эта, весом около четырех килограммов, с прицельной дальностью до полутора тысяч метров, позволяла вести как одиночный, так и автоматический огонь. Магазин, емкостью 15 патронов, заменялся легко и удобно. Недостатком этого оружия была его «тонкость» – винтовка не терпела грязи, что во фронтовых условиях является существенной помехой. А в остальном и эта винтовка, и винтовки Токарева – СВТ-38 и АВТ-40 – были эффективным и надежным оружием.

Как у начинающего оперативника, был у меня, конечно же, и маузер.

Кому-то это может показаться смешным, но я полюбил «Маузер К-96», широко известный еще в Гражданскую, тяжеловатый, десятизарядный, но с очень хорошим и эффективным боем. Позднее я заменил это хорошее, но также несколько прихотливое оружие на обычный надежный наган.

С этим оружием довелось мне принять свой первый бой. Благодаря сложной для наступающих горнолесистой местности и, в немалой степени, труду и смекалке пограничников мы наносили противнику значительный ущерб, практически не неся потерь в живой силе. Да и противник, пытавшийся было атаковать в лоб, был скован в своих действиях. В горах и в лесу он не мог применить свою главную силу – танки, малоэффективно было применение авиации и артиллерии.

Запомнилось несколько авиационных налетов, когда направление бомбового удара противник пытался корректировать ракетами. Командир заставы тут же отрядил толкового бойца, снабдив его значительным количеством ракет всевозможных цветов. Уже при следующем налете, аналогично неприятельским наводящим, корректирующие ракеты тех же цветов были пущены в направлении противника. Очевидно, результаты бомбежек оказались далекими от ожидаемых, и больше самолетов противника, атакующих наши рубежи, мы не видели.

В ту памятную ночь нам пришлось вести тяжелый напряженный бой. Наше укрепление оказалось на пути, где противник сосредоточил значительные силы и настойчиво пытался преодолеть государственную границу. Офицер-пограничник, с которым мы появились в дзоте, вскоре был вынужден нас оставить, с тем чтобы привести подкрепление. Оставшись втроем, мы вели почти непрерывную прицельную стрельбу, но продолжалось это не более получаса.

Когда стало светать и попытки пересечения хребта прекратились, офицер-пограничник пригласил меня и пулеметчика посмотреть – куда проник противник, вернее, те, кому посчастливилось пересечь контролируемую нами вершину.

По удобному и отлично замаскированному на местности переходу мы спустились в лощину и оказались в «эмке» – довольно большом окопе, подобии эскарпа, сделанного в виде буквы «м», откуда хорошо просматривалась местность в обоих вдоль лощины направлениях.

Противника мы заметили сразу. Несколько минут мы наблюдали за ним, заметили двух спящих дозорных, пересчитали неприятеля. Силы его были невелики – бойцов пятнадцать-семнадцать. Мы распределили цели и открыли огонь, человек пять-шесть смогли скрыться в кустарнике, остальные погибли под нашими пулями.

Вспоминая сегодня свои первые бои, с чувством любви и глубокой благодарности думаю о тех своих беззаветных и, увы, безымянных соратниках, что подготовленно и выдержанно, по-военному грамотно, с выдумкой встретили агрессора и на своем участке, несмотря ни на что, нанесли ему поражение. В приграничных боях ценой жизни нескольких пограничников были уничтожены сотни вражеских солдат и офицеров, нанесен ощутимый удар по моральному состоянию врага.

Конечно же, сильное, во многом определяющее влияние на ход тех боев оказала специфическая, сложная в военном отношении, прежде всего для наступающих, которые не могли применить там танки, в полной мере использовать авиацию и артиллерию, горно-лесистая местность и великолепная подготовленность обороняющейся стороны – наших пограничников.

Должен заметить, что солдаты неприятеля, наступавшие на нашем направлении, были румыны. С моей точки зрения, народ в большинстве своем малообразованный и, как следствие, довольно беспечный. Мне с ними довелось сражаться и на границе, и под Одессой. От немцев как воины румыны отличались в значительной степени не в лучшую сторону.

Огромные человеческие потери, понесенные этой страной в годы Второй мировой войны, едва ли будут наукой политикам, но человеческая память, знание своей истории должны быть очень серьезным напоминанием для всех мыслящих людей.

В составе этой героической заставы мне довелось сражаться несколько дней. Затем по приказу командования я был вынужден отбыть оттуда назад, в Черновицы.

Там я настоятельно требовал направления меня на фронт, на службу в составе особых отделов. Вскоре моя просьба была удовлетворена, и я получил распоряжение убыть в Одессу, в Особый отдел по Одесскому военному округу.

Уже тогда мы поняли, что началась большая тяжелая война. Немцы воспользовались внезапностью и, уничтожив приграничную авиацию, захватив стратегическую инициативу, имели военный успех.

На равнинных территориях с относительно малым числом естественных препятствий и небольшим количеством городов, как в России, немецкая военная доктрина работала, и работала неплохо.

Должен коснуться того вопроса, что население СССР в несколько раз превосходило население Германии и, соответственно, аналогичное преимущество имелось в численности вооруженных сил. Не буду прибегать к известным цифрам и выводам, опубликованным в серьезных, непредвзятых трудах. Давайте сопоставим базовые цифры.

Население СССР в 1941 году составляло около 195 млн человек. Население Германии в то время было свыше 70 млн, но Германией была аннексирована и присоединена Австрия – более 7 млн чел., союзники Германии, принявшие участие в нападении, имели следующее население: Румыния – свыше 20 млн, Венгрия около 10, Финляндия – 5 млн чел. Замечу, что впоследствии в агрессии против России приняли участие Италия, Словакия, граждане Польши, Болгария (хотя последняя боевых действий не вела).

Германия и ее союзники были вооружены фактически всей Европой: танки из Германии, Чехословакии, Франции, Италии, Венгрии... Самолеты из Германии, Франции, Италии, Голландии, Англии, Бельгии, Польши... Происхождение пушек, минометов и стрелковых вооружений еще менее избирательно.

Нацистская идеология, изоциренно прививаемая торжествующим режимом (на начальном этапе войны), в массовом порядке находила отклик в сердцах буржуазной молодежи из самых разных стран. Воинские части головорезов из Испании, Франции, Чехии, Португалии, Голландии и Дании нашли свой бесславный конец под Сталинградом и на Украине, в Белоруссии, Польше, Румынии, Венгрии, Германии.

На стороне вермахта воевали подразделения даже из Латинской Америки и Австралии, а одним из батальонов, до последнего оборонявших рейхстаг, был батальон эсэсовцев-голландцев!

На востоке нашей стране противостояла империалистическая Япония, страна, с которой Россия, а впоследствии и Советский Союз в первой трети XX века вели несколько войн, не завершившихся разгромом одной из сторон. Часть территорий нашей страны была аннексирована Японией после Русско-японской войны. Благодаря расчетливой политике советского руководства Япония не стала военным противником СССР до самого конца Великой Отечественной войны, но Советский Союз был вынужден держать на востоке десятки полноценных дивизий, значительное количество боевой техники.

Здесь, на востоке, учитывая японское влияние на Китай и Корею, противная сторона имела безусловное численное преимущество.

На юге внимательно следило за событиями на советско-германском фронте правительство Турции – нашего традиционно недружественного соседа. Даже в самые тяжелые дни 1942 года мы вынуждены были держать здесь несколько полнокровных дивизий.

И Германия, и Япония, и Италия, и большинство союзных им и поработанных ими стран были странами с высокоразвитой промышленностью, создавшими великолепные, а зачастую и массовые образцы вооружений. Ракеты разных типов, эффективная и разнообразная реактивная авиация, сильнейшие надводные суда, мощный и эффективный подводный флот были созданы в Германии и Японии к концу войны. Фашистская Германия была разгромлена, когда находилась в полушаге от создания ядерного оружия.

На германскую военную машину вовсю работали передовые промышленности стран покоренных Германией и союзных ей Франции, Италии, Чехословакии, Голландии, Бельгии, Польши...

Противники Советского Союза во Второй мировой войне (фактические и потенциальные) имели над ним очевидное численное преимущество.

И при этом до сих пор доводится читать у доморожденных борзописцев, что Советский Союз выиграл войну, просто завалив противника трупами. Нет, господа! Такое невозможно с военной точки зрения, чему в мировой истории насчитывается множество примеров.

Война, несмотря на все усилия и происки врага, несмотря на все наши промахи, была выиграна за счет героизма и мужества советского солдата, вдохновенного творческого труда инженеров и конструкторов, предельного самопожертвования подавляющего большинства населения и твердой последовательной политики, проводимой руководством страны во главе с И.В. Сталиным.

Оборона Одессы

Из Черновиц мне было приказано прибыть сначала в Кировоград, а затем в Одессу. С попутным транспортом, самым разным – гужевым, автомобильным и железнодорожным, за несколько дней этот приказ удалось выполнить.

Когда я был в Кировограде, со мной произошел забавный случай. Дело в том, что вскоре после начала войны в советской печати появились сообщения о том, что немецкая разведка засылает в наш тыл шпионов в форме сотрудников НКВД, статьи призывали граждан к бдительности. Так вот, находясь в Кировограде, я чем-то вызвал подозрения местных жителей. Думаю, подозрения основывались на том, что я был в новой форме сотрудника НКВД и отличался внешним видом от местных работников. Группа граждан, обступив меня, стала кричать, что я немецкий шпион, что меня надо не то отвести в УНКВД, не то разобраться со мной на месте. Ни мой максимально грозный вид, ни зычный командный голос, ни револьвер, который, правда, не удалось достать, не повлияли на бдительных товарищей... К счастью, мимо проходил местный офицер НКВД, который знал о группе, прибывшей из Черновиц, и видел меня в здании управления. Он сказал присутствующим, что я задержан, т. е. должен следовать за ним в здание управления. Я обменялся со своими преследователями недобрыми взглядами – обе стороны были явно разочарованы таким исходом событий. Некоторые граждане, по всей видимости, самые бдительные, последовали за нами. У дверей я показал охраннику пропуск, тот внимательно проверил его и, обратившись к оставшимся моим преследователям, сказал, что пропуск настоящий, а я действительно сотрудник НКВД.

Как мне потом стало известно, в некоторых городах были случаи задержания настоящих сотрудников НКВД, некоторые из них закончились трагически. Допускаю, что к некоторым этим случаям прикладывала руку немецкая разведка. Такая обстановка, конечно же, осложняла работу оперативных органов по поиску действительных немецких шпионов.

Замечу, что вредителей, инспирированных паникеров, диверсантов, корректировщиков и шпионов в первые дни войны было множество. Не все они были специалистами. Немало среди них было недоброжелателей советской власти. Их значительное количество, помноженное на неблагоприятную военную обстановку, конечно же, играло негативную роль.

Мне, как имевшему незаконченное образование связиста, довелось заниматься диверсантами, активно нарушавшими связь. Устойчивая радиосвязь в то время еще не была широко распространена, гораздо шире использовалась связь проводная, когда телефонный кабель поддерживался шестами. Что стоило человеку пройти вдоль кабеля и повалить поддерживавшие его шесты? Это не требовало ни особого умения, ни специальных инструментов, ни ловкости. А воинская часть, оставшаяся без связи, представляет собой боевую единицу весьма условно. Приходилось задерживать и диверсантов-одиночек, и группы, работавшие и под крестьян-косцов, и под военнослужащих, и под связистов. Большинство из них не ждало от задержания ничего хорошего и оказывало вооруженное сопротивление.

Так что бдительность тех ребят, что в Кировограде пытались задержать меня, была скорее явлением положительным. Гораздо больше примеров, когда досадная непростительная беспечность приводила к тяжелым потерям, к провалам армейских операций.

Будучи в Кировограде несколько дней, я, как сотрудник СПО, выносил постановления по оперативным делам на родственников Троцкого (в частности, на его тетку), которые тогда проживали в Кировограде, по их высылке из города в тыл.

В Кировограде я пробыл недолго: пришло время убыть в Одессу. И вновь на попутных машинах, а больше поездах вместе с группой товарищей я отправился к берегу Черного моря. Большой частью ехали без удобств – в товарных вагонах. По дороге следования нередко попадали под сильную бомбежку.

В Одессу я прибыл 14 июля. Город выглядел абсолютно мирным: работали магазины, кафе, кинотеатры, на улицах продавали мороженое и воду. И только первая бомбежка города, случившаяся вскоре после нашего прибытия, резко изменила город. Вскоре немецким летчикам удалось разбомбить в городе несколько важных зданий и объектов. Было повреждено здание обкома партии, некоторые портовые сооружения, выведен из строя водопровод. Штаб Приморской армии располагался в подземном хранилище пивоваренного завода.

Из этого хранилища вел 800-метровый подземный переход в соседнее здание морского училища, где располагались вспомогательные службы армии.

Несмотря на усилия врага, предполагавшего завоевать господство в воздухе, ему это не удалось. Противовоздушную оборону города в воздухе с начала его обороны, а также наступательные действия вел единственный авиационный полк Одесского оборонительного района – 69-й истребительный. Боевые действия этого полка в осажденном городе были беспрецедентны.

Летчикам приходилось взлетать в непосредственной близости от линии фронта, под постоянным обстрелом артиллерии противника. За два месяца на аэродромах базирования полка разорвалось более тысячи снарядов.

Сражаясь на И-16 до самой эвакуации из Одессы, летчики полка сбили 94 самолета и три планера противника. Еще 20 машин было уничтожено на аэродромах.

«Личный состав 69-го истребительного авиационного полка за период с 22 июня по 8 сентября 1941 года проявил в разгроме фашистских варваров героизм и беспредельную преданность Коммунистической партии и социалистической Родине... 69-й истребительный авиационный полк, нанося противнику сокрушительные удары, обеспечивал нашим войскам выполнение приказа Народного комиссара обороны по защите города Одессы... Бойцы и командиры наземных войск восхищались героическими подвигами летчиков 69-го *иап*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.